

КЕРРИГАН БЕРН

Любовь горца

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Керриган Берн
Любовь горца

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Берн К.

Любовь горца / К. Берн — «АСТ», 2016 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-104010-9

Неустранимого подполковника Лиам Маккензи зовут Демоном-горцем за его сверхчеловеческую силу, устрашающую наружность и хладнокровие. Как лэрд клана Маккензи, он унаследовал вместе с землями от предков жестокость и неукротимый нрав. Но когда обучать его детей приезжает мисс Филомена Локхарт, гувернантка из Англии, он находит в ней достойного соперника – в игре любви. С каждым днем Лиам все больше увлекается Филоменой и замечает, что у нее слишком много секретов. Что может скрывать обычная гувернантка? Какие тайны ее преследуют? И как Лиаму завоевать любовь этой необычайной женщины, не потеряв свое сердце?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104010-9

© Берн К., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Керриган Берн

Любовь горца

© Kerrigan Byrne, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

Уэстер-Росс, Шотландия

«С этим что-то нужно делать!» – так решил Лиам Маккензи, размышляя над ужасными событиями прошлого.

Он думал о страшном человеке, с холодной жестокостью и садизмом управлявшем кланом Маккензи из Уэстер-Росс. О женщине с ввалившимися глазами, сменившей несчастную мать Лиама, которая как тощий запуганный призрак бродила по залам замка Рейвенкрофт-Кип. О ее сыне, брате Лиама по отцу, который вечно прятался по углам и никогда не улыбался. О незаконном сыне Маккензи, недавно забитом до смерти в тюрьме Ньюгейт.

Нужно что-то делать с телом, которое Лиам недавно выловил в болоте Бренилох-Бох.

Это была Тесса Макграт. От нее остался только скелет, покрытый тиной, торфом и грязью, но Лиам сразу узнал ее, едва увидел остатки шерстяной накидки, которую он дал ей в ту ужасную ночь несколько лет назад.

Эта накидка – его последний акт милосердия – стала для Тессы саваном.

Тесса была грязной шлюхой и любила хвастаться своими необыкновенными умениями в деле любви, поэтому лэрд Хеймиш Маккензи нанял ее для своих сыновей. Нанял, чтобы она сделала из них мужчин. Но в действительности для чего-то куда более мерзкого и ужасного.

Тесса не понимала всей жестокости маркиза Рейвенкрофта, она не ведала, какая злоба таилась в Хеймише Маккензи.

– Она этого хочет, – усмехнулся отец Лиама, глядя на голую, с завязанными глазами Тессу, привязанную к кровати. – Она просто молит об этом!

Шлюха *действительно* этого хотела. Она просила об игривых ударах мягкого хлыста, который она принесла с собой для любовной игры. Она издавала страстные стоны, сладострастно извивалась. Она произносила обольстительные слова, давала непристойные обещания, способные привести в возбуждение любого шестнадцатилетнего мальчишку.

Но не Лиама.

Ее вины в том не было. Девица не могла представить, что готовил для нее лэрд. Она любила игры, включавшие боль, но Хеймиш Маккензи никогда не останавливался на достигнутом, он продолжал до тех пор, пока полностью не уничтожил противника.

Лиам подозревал, что Хеймиш намеревался избить девицу прямо перед ними и хотел заставить их наблюдать за этим. Но не думал, что отец намерен заставить своих сыновей ее бить и с болезненным садизмом наблюдать, как его сыновья становятся такими же чудовищами, как он сам.

Но когда лэрд показал им свое орудие, Лиам все понял. Это была древнеримская плеть с множеством хвостов, украшенных свинцовыми наконечниками, которых было так много, как змей на голове Медузы.

Все сыновья лэрда Маккензи содрогнулись: Хеймиш – незаконнорожденный сын, названный в честь отца; Лиам – его наследник, и мальчик по имени Торн – единственный сын от второй жены. Все они были хорошо знакомы с этой плетью, знали боль от ее прикосновений, помнили, как она сдирает с них кожу.

Они не верили своим глазам, когда лэрд ударил плетью поперек спины постанывающей шлюхи. Сначала та выгибалась и стонала в ожидании. А потом кричала, плакала, билась и умоляла о пощаде. И это после первых двух ударов.

Темные глаза отца загорелись от извращенного удовольствия. Он перешел на ту сторону кровати, где, выстроившись в ряд, стояли его сыновья, и протянул им ненавистную плетку.

– Каждый. По два удара, – приказал Хеймиш.

– Но она же не выживет, – запротестовал Торн прерывающимся от страха голосом.

На непокорность сына лэрд ответил ударом кулака, от которого тот упал на пол.

– Каждый. По два раза, – повторил он. – Мне все равно, кто сколько раз ударит, но я отпущу ее только после шести ударов.

Лэрд Маккензи был великаном, обычно он смотрел на своих сыновей сверху вниз, как и на большинство других мужчин. Но тогда Лиам впервые в жизни посмотрел отцу в глаза. Мало кто осмеливался ответить на горящий взгляд Хеймиша, а тем более противостоять ему в одиночку.

– Вот ты и начни, – приказал лэрд со злобной улыбкой, – или этим займусь я.

Тяжело осознавать, что человек, которого ты ненавидишь всей душой, так похож на тебя внешне. Предчувствовать, что однажды, лет через двадцать, такие же черные глаза монстра глянут на Лиам из зеркала и напомнят о той свирепости, что течет в порченной крови Маккензи. Видя вызов в глазах отца, Лиам понял, что наступит день, когда он не будет бояться этого человека. Он тоже станет огромным, хитрым, бесстрашным и жестоким. Однажды он бросит вызов этому чудовищу, став таким же зверем.

И блеск в глазах отца сказал ему, что тот ждет наступления этого дня.

Ухватившись за возможность угодить отцу, молодой Хеймиш потянулся за плетью, и на его невыразительном лице появилось знакомое выражение свирепого предвкушения. Хеймиш был готов выполнить приказ отца. И тогда Тесса была обречена.

– Нет. – Лиам вышел вперед и выдернул плетку из рук отца, прежде чем Хеймиш-младший успел ее схватить. – Это сделаю я!

Ветер выл над болотами, летя над Бренилох-Бох, и его вой напоминал вопли, которые издавала Тесса в ту ночь, извиваясь под ударами плетки, раздиравшей белую кожу. Ужас, наполнявший ее рыдания, вырвал сердце из груди Лиам. Вместо сердца в ней кровоточила глубокая рана.

Теперь он стоял над ее телом, и его рука сжимала влажный воздух так, что косточки на ней стали совсем белыми, как в ту ночь, когда он трясущейся рукой взял оплетенную рукоятку кожаной плетки.

Тесса так и не поняла, что он спас ее единственно возможным способом. Он выполнил жестокий приказ отца и постарался нанести ей как можно меньше ран. Как она могла это выдержать?

Лиаму хотелось, чтобы на этом та ночь завершилась. Но жестокость лэрда не знала пределов, и еще целый час, целый проклятый час происходили невероятные вещи, о которых невозможно говорить. Потом Лиам завернул Тессу в накидку и помог ей бежать.

Надо отдать ей должное – она не прекращала сопротивляться. Она угрожала страшной мстостью, захлебываясь слезами от боли и страха. Эти угрозы стали причиной ее гибели.

Тесса едва могла ходить: спотыкаясь спускалась по ступеням, и ее розовая кожа начала покрываться страшными синяками – результат избиений, полученных от лэрда Хеймиша.

Даже в юном возрасте Лиам был достаточно силен, чтобы донести Тессу на руках через поля до деревни. Боже, как он старался ее урезонить, извиниться перед ней, сделать хоть что-нибудь для успокоения жгучих укоров совести. Но она ничего не желала слушать, и он ее не винил за это.

– Весь мой клан встанет против вас, против всей вашей проклятой семьи! – кричала она. – Вот увидите! Я всем расскажу, всем покажу, что вы, дикие звери, сделали со мной! И они придут за вами! За всеми за вами!

Но ей не дали, ее заставили замолчать. Она была убита. И Лиам не сомневался, кто это сделал.

От зла лишь зло рождается, разве не так? Даже Дуган, младший из незаконнорожденных сыновей отца, выросший вдали от красных кирпичей замка Рейвенкрофт-Кип, будучи еще подростком убил священника.

Дуган... Отец заплатил, чтобы его младшего сына забили до смерти в тюрьме, но парню удалось бежать, и он стал другим человеком. Дуган втайне связался с Лиамом. Это случилось в то время, когда Дуган боролся за место главаря в лондонском преступном мире.

Сыновей Хеймиша Маккензи воспитали для кровопролития. Фатум, ткущий узоры их судеб, впледел в них насилие, а в жилы влил жестокость и бесстрашие.

«Король умер... да здравствует король!» – этими словами вместо подписи завершил Дуган свое послание Лиаму. В нем он просил брата совершить то, о чем тот давно мечтал.

Лиам завернул останки Тессы в полуразвалившуюся накидку и опустил их в чавкающую грязь болота, что стала ее могилой. Он смотрел, как болото медленно поглощает тело Тессы, а вместе с ним и то немного, что осталось в нем от надежды и доброты. Вместо них в опустелой груди загорелся огонек ненависти, который раздувал своим зловонным дыханием сам дьявол.

Теперь мечта превратилась в необходимость. Лиам смотрел на раскинувшийся перед ним изумрудный ландшафт, окаймленный горами Кинросс, и думал о матери, о том, что отец растоптал ее душу и тело. Он вспоминал свой клан Маккензи из Уэстер-Росс, который трудился и покорялся безжалостному железному кулаку своего лэрда; вспоминал своих братьев, законных и незаконных. Никто из них не способен был противостоять издевательствам отца, поэтому Лиаму часто приходилось принимать на себя его удары.

Кто будет их защищать теперь, когда он уйдет на войну?

Лиам превратился в высокого мужчину, который не боялся смотреть в глаза отца. Его плечи стали широкими, а кожа на спине так задубела от многочисленных ударов плетки, что, казалось, сам Сатана обработал ее у себя в пекле. Кулаки Лиамы стали достаточно тяжелыми, чтобы ответить на любой удар.

И Лиам решил пойти служить в армию ее величества. Огонь, пылавший в его крови и толкавший его на путь насилия, он решил направить на служение короне, которую благословили сам Бог и родина.

Это было единственным выходом из положения.

Но прежде следовало что-то предпринять, потому что день расплаты настал.

Лэрд Хеймиш Маккензи хотел превратить своего сына и наследника в такое же чудовище, как он сам. Но чудовища существуют в мифах и легендах, рожденных в древности предрассудками и больным воображением. Лиам решил, что не будет ни монстром, ни чудовищем. Он превратится в нечто иное. Он станет демоном.

Глава 1

Лондон, сентябрь 1878 года

Двадцать лет спустя

– Снимите одежду.

Не впервые в жизни леди Филомена Сент-Винсент, виконтесса Бенчли, слышала такие слова. Она была женой развратника и насильника. Но тут она потеряла дар речи и, ничего не понимая, уставилась на доктора Персиваля Розенблатта широко открытыми глазами. Неужели он действительно хочет, чтобы она разделась в его присутствии? Только женский персонал клиники наблюдал за проведением лечения в ледяных ваннах в клинике Белль-Глен. Присутствие доктора-мужчины было делом неслыханным.

– Но, доктор, я же хорошо себя вела... – Она невольно отступила на шаг, охваченная страхом при виде ванны, в которой плескались куски льда, напоминавшие осколки битого стекла. – Я ничего такого не делала, чтобы заслужить подобное... лечение.

«Лечение» – это слово обладало в этом заведении самыми разными смыслами.

– Вы опять этим занимались! – произнесла сестра Грета Шопф, служившая Немезидой в клинике Белль-Глен, подошла к Филомене и схватила ее за запястье так, что жесткие пальцы вонзились в кожу, и задрала рукав до локтя. Полная немка, одетая в униформу с высоким воротом, белый фартук и шапочку, показала доктору руку пациентки. – Она опять этим занималась... но другим способом. Ночью нам пришлось привязать ее к кровати, чтобы она не предавалась своим аморальным занятиям.

– Но это же неправда, доктор! – выкрикнула Филомена, умоляюще глядя на врача. – Она ошибается, доктор Розенблатт. Этим занималась другая пациентка, Шарлотта Пендергаст, которая поцарапала мне руки ногтями. Клянусь, я никогда... Я воздерживаюсь, как могу, от аморальных занятий.

Раньше, во время их первых сессий, она все рассказывала доктору. Объясняла, что синяки и ссадины ей нанес муж-садист, лорд Гордон Сент-Винсент, виконт Бенчли, а вовсе не она сама. В первый период своего вынужденного пребывания в клинике она изо всех сил отрицала, что безумна, что подвержена приступам лунатизма и сексуальным отклонениям, потому что ничего такого на самом деле не было.

Вначале, по приезде в Белль-Глен, она старательно рассказывала о себе все, потому что была одинока и запугана.

Доктор Розенблатт напоминал Филомене ее отца, который занимался благотворительностью, сидя в своем строгом кабинете. У доктора было приятное круглое лицо, окруженное бакенбардами и вторым подбородком, румяные щеки и круглый живот. Он казался спокойным и умным профессионалом среднего возраста. Пора бы ей научиться не доверять себе в том, что касается других людей, особенно мужчин. Она всегда ошибалась.

Доктор Розенблатт открыл историю ее болезни и начал читать, хотя именно он написал все, что в ней содержалось.

– Вы начинаете возбуждаться, леди Бенчли, – заговорил он тихим голосом, каким обычно разговаривают с маленькими детьми и сумасшедшими.

– Нет! – воскликнула Филомена громче, чем сама хотела, так как сестра Шопф тащила ее в сторону ванны. – Нет!

Она заставила себя говорить приятно и сдержанно, как настоящая леди, но при этом изо всех сил упиралась.

– Доктор, я вовсе не возбуждаюсь, я предпочла бы обойтись без ледяной ванны. Пожалуйста! Неужели нет другого средства? Например, электроды, или наденьте на меня специальные варежки и уложите в постель.

Филомене вовсе не нравились альтернативные способы лечения. Она терпеть не могла электроды, ненавидела жесткие, шершавые маленькие варежки, которые надевали на руки так, что руками ничего нельзя было делать. Но она ничего так не боялась, как ледяных ванн.

– Ну, пожалуйста, – просила женщина, и слезы испуга наворачивались у нее на глаза.

– Вы просите так мило, леди Бенчли. – Глаза доктора скользили по ее рту и груди, которая выпирала под плотно облегающим грубым черным платьем. – Но, видите ли, я – ваш врач, и моя первая обязанность – лечить вашу болезнь. А теперь, пожалуйста, не сопротивляйтесь, снимите одежду сами или ее снимут с вас.

Сестра Шопф больно сжала запястье Филомены с неожиданной для женщины силой. Она тащила ее к ванне, другой рукой схватив за плечо.

– Вы снова будете со мной драться, леди Огненная вагина, или на этот раз будете вести себя разумно?

«Леди Огненная вагина» было прозвищем, которое дала Филомене одна из пациенток в самый первый день пребывания в Белль-Глен. Тогда в небольшой комнате пятнадцать женщин раздели догола, осмотрели, ощупали, проверили на вшивость, а затем облили ледяной водой. И тогда кто-то из них обратил внимание на необычный рыжий цвет волос Филомены и на темно-рыжий цвет ее волос между ног. Филомену часто грубо обзывали, и чаще всего члены семьи Сент-Винсент, особенно они издевались над ее необычным ростом, широкими бедрами и плечами. Но «леди Огненная вагина» было самым унижительным прозвищем из всех. Его часто использовали сестры и обслуживающий персонал клиники.

– Я не сделала ничего плохого! – Филомена умоляюще смотрела на доктора Розенблатта, но тот спокойно перелистывал ее историю болезни, не обращая на нее внимания. – Не надо помещать меня в ванну!

– У вас истерика, – ответил он тихо, – что еще раз убеждает меня в том, насколько вы безумны.

Сестры схватили Филомену с двух сторон и за руки потащили к ванне. Когда она была совсем близко, Филомена ударила ванну обеими ногами, стараясь ее перевернуть. Тяжелая ванна не поддавалась, но Филомена была рослой женщиной и достаточно сильной, чтобы освободиться от рук медсестер.

– Ну что тут у нас? – раздался веселый голос Леопольда Бернса. Бернс способен был осветить своим присутствием любую комнату, но для пациентов Белль-Глен его появление означало наступление тьмы. Помощник доктора был молодым человеком огромного роста, но казался старше своего возраста из-за уродливого носа картошкой и лысины в светлых волосах. – Опять безобразничаете, леди Бенчли?

У Филомены перехватило дыхание, легкие словно сдавило железным кулаком, когда она почувствовала, что вместо рук сестры Шопф ее обхватили руки Леопольда Бернса.

– Ну-ка снимайте одежду!

Теперь Филомена дралась по-настоящему. Всю жизнь она старалась быть правильной и послушной, была робкой, податливой и нежной, и всегда это давало только один результат. Но на этот раз она не хотела быть послушной участницей унижительной трагедии.

Она боролась и отталкивала руки сестер, которые пытались расстегнуть пуговицы на ее грубом платье, но они стащили его и сбросили на пол. Филомена кричала и умоляла, билась и брыкалась, когда сестры сняли с нее рубашку, – корсетов в клинике не разрешали носить, – и жадным глазам доктора Розенблатта и Бернса предстала ее обнаженная грудь. Они любовались ею, не скрываясь, и Филомена смутно удивилась, как это женщины-сестры могут принимать участие в подобном извращении.

Причиной слез, бегущих по ее щекам, было не только унижение и страх, но и невыносимо отвратительный запах изо рта Бернса, который прижал ее к себе, стиснув в медвежьих

объятых. Делая вид, что помогает сестрам снять с Филомены панталоны, он сжал ее груди, и, наклонившись к уху, прошептал, обдавая противным запахом:

– Чем больше вы сопротивляетесь, леди Огненная вагина, тем сильнее мне приходится действовать руками.

– Ваши руки всегда лезут куда не надо, – ответила Филомена.

Холодный воздух, охвативший тело, подсказал ей, что ее раздели донага. Но не это пугало ее сейчас больше всего – она спиной почувствовала, как напрягся член ее мучителя.

Бернс так сжал ее толстыми руками, что заставил задохнуться. Острая боль пронзила грудь, она ощутила нечто похожее на острый край, вонзившийся в бок, который лишил ее возможности вдохнуть воздух и закричать.

– Эти сумасшедшие несут такую чушь, – произнес Бернс, переваливая парализованное тело Филомены через край ванны, в то время как сестры держали ее за ноги.

Филомена с ужасом смотрела на медленное приближение ледяной воды и ничего не могла сделать, только приготовиться к погружению. Куски льда кололи и царапали кожу, как кошачьи когти, рефлекторно вызывая желание вырваться. Все ее тело мучительно болело, но когда она попыталась выскочить из воды, то увидела, что кожа ее цела.

В отчаянии Филомена била руками о край ванны, задыхаясь и издавая короткие стоны. Наконец ей удалось встать во весь рост и практически выбраться из ванны, но три пары сильных рук схватили ее и затолкали обратно. Она с головой погрузилась в воду.

Филомена пыталась отбиться от своих мучителей, но их руки держали крепко, не давая шевелиться. Постепенно паника прекратилась, и она замерла. Может быть, это конец? Она погибнет, заключенная в тюрьму, вместе с другими несчастными, всеми забытыми жителями империи. Гнусный развратник-кокни будет тискать ее грудь, сестры-садистки держать ее голову под водой, а врач хладнокровно наблюдать за этим.

Она вспомнила свое письмо леди Фаре Блэквелл, графине Нортуок. Интересно, получила ли она его и предприняла что-нибудь для спасения Филомены? Или просто не обратила внимания на ее мольбы о помощи? Легкие стало нестерпимо жечь, и Филомена решила, что, видимо, ей уже не доведется узнать ответ.

Может, это к лучшему. Она уйдет из этого мира, окруженная холодом и безжалостными осколками льда, что очень похоже на ее жизнь последние пять лет.

Вряд ли в аду будет хуже, чем здесь. Возможно, она страдает здесь за свои грехи? Видимо, Бог – не мстительный Господь, описанный в Библии, а просто равнодушный Творец. Тогда, может быть, ей удастся упросить его выделить ей крошечное, незаметное место где-нибудь в уголке на небесах? Которое не нужно больше никому. Тихое, удаленное место в самой глубине обширного Неба, где она сможет существовать в тишине и уединении, не думая о поруганных ожиданиях и множестве своих ошибок. Там облака укрывают небо мягким покрывалом, сквозь которое пробиваются лучи солнца, падая сияющими столбами на просторы лугов, как это бывает в конце лета, такие теплые, как божественное прощение.

Филомена закрыла глаза и вдохнула ледяную воду, и тут руки ее мучителей вытащили ее на поверхность. Она с душераздирающим кашлем исторгла из себя ту небольшую толику воды, которая попала в легкие.

Когда спазмы прошли, она постаралась наполнить легкие воздухом. Момент, когда Филомена ощутила приближение смерти, а с ней и умиротворение, уже прошел, и она поняла, что слишком труслива и не может убить себя.

Филомена, дрожа, села в ванной и поддалась новому приступу отчаяния. Она прижала колени к груди, чувствуя, как холод лишает ее сил и способности двигаться.

– Вымойте ее, и тогда начнем, – распорядился доктор Розенблатт.

Сестры терли ей кожу жестким мылом с особой суровостью, приговаривая, что это мытье заменит еженедельную ванну.

Прошло пять минут, кожа Филомена горела, как будто в нее впились тысяча иголок. Но она сжала челюсти, стараясь победить холод, пронизывающий ее до костей.

– Теперь я буду задавать вам вопросы, леди Бенчли. – Доктор Розенблатт подошел к самому краю ванны. – Мне хотелось бы понять, как на вас воздействует данная информация. Если я пойму, что вы честно мне отвечаете, то я позволю вам выйти из ванны. Вы меня поняли?

Филомена кивнула.

– Отлично. – Доктор перебирал бумаги, отыскивая нужный листок, и потом положил его поверх истории болезни. – Для начала займемся основными вопросами. Доводилось ли вам слышать ночью голоса в той комнате, где вы спите, леди Бенчли? Не мешают ли эти голоса вам спать, не мучали ли они вас?

Филомена отвечала, глядя прямо перед собой, но отвечала честно:

– Я слышала только крики пациенток. И голоса медсестер, которые над ними издевались.

Грета Шопф больно ущипнула ее за плечо, но Филомена даже не поморщилась.

– Хорошо. – Доктор не поднимал голову от бумаг. – Случалось ли вам видеть странные вещи, видения, призраки и галлюцинации?

Филомена отвечала очень осторожно, так как знала, что галлюцинации являются признаком безумия:

– Никогда!

– Еще пару вопросов для статистики в соответствии с вашим диагнозом, – продолжал доктор Розенблатт.

От холода мысли Филомены путались. Кровь в сосудах текла все медленнее, и она начала сильно дрожать. Филомене приходилось буквально выдавливать слова сквозь стучащие зубы. Она знала, какие вопросы ей предстоят. Ее муж и его мать заплатили семейному доктору, чтобы тот поставил диагноз «психосексуальная истерия» и «аморальное сумасшествие». И добрый доктор Розенблатт с удовольствием задавал вопросы на эту тему, копаясь в подробностях.

– Расскажите, как часто вы и лорд Бенчли выполняли супружеские обязанности?

Филомене не хотелось отвечать на подобный вопрос в присутствии свидетелей, и она ответила:

– Я уже говорила вам.

– Да, вы говорили, что вначале муж приходил к вам пять раз в неделю, а потом перестал приходить совсем. Он понял, что вы не можете родить ему ребенка, и стал искать общества других женщин. – Доктор Розенблатт наклонился к ней, пытаясь заглянуть в глаза, но взгляд у нее помутился от холода. – Исключение составляли те случаи, когда вы просили его взять вас силой. Он сказал, что это вызывало в нем отвращение, особенно когда вы просили воплотить ваши гнусные сексуальные фантазии. Разве не так, леди Бенчли?

Филомена почувствовала, что даже в ледяной ванне она горит от стыда.

– Он лгал... Я... никогда... не хотела ничего такого.

Холод добрался до груди, и у нее перехватило дыхание.

– Я предупредил вас, что только правда поможет вам освободиться из вашего нынешнего состояния, – напомнил доктор Розенблатт.

Правда? Правда состояла в том, что муж был таким же садистом, как и доктор. Гордон Сент-Винсент старался найти в человеке слабое место и заставить его страдать. Найти то, чего человек действительно боялся, что в себе ненавидел. А найдя, использовал информацию себе на пользу.

Ад в семье Сент-Винсент разворачивался постепенно. Очень скоро, когда Гордон понял, что добился своего и его издевательства больше не задевали жену, он стал прибегать к насилию. Поступки, за которые другого человека посадили бы в тюрьму, соверши он их на улице, считались вполне допустимыми, если они совершались по отношению к жене.

Что такое четверть часа? Просто ничего, песчинка на бесконечном песчаном пляже. Но когда находишься в ледяной ванне, эта четверть превращается в бесконечность, уходящую все дальше от теплых лучей солнца. И остается только холод, только белая-белая комната и страдание.

Филомена потеряла способность видеть стрелки на часах. Суставы окаменели, а мускулы свело такой страшной судорогой и болью, что она невольно издала истошный крик.

Господи, она ведет себя как сумасшедшая! Руки свело под странным углом по отношению к груди, спина изгибается в конвульсиях. Сердце бьется все медленнее и с перебойями.

Она устала, так устала!

И тут ее вынули из ванны, схватив за локти, которые так окаменели, что выдержали вес ее тела. Филомена настолько замерзла, что сама превратилась в лед. У нее не было сил, она перестала обращать внимание на доктора Розенблатта и Бернса, которые с интересом наблюдали, как ее растирают полотенцами и надевают через голову грубое хлопковое платье.

Онемели не только мускулы, онемение перекинулось на внутренние органы Филомены. Она никогда раньше не проводила в ледяной ванне больше десяти минут. Теперь она не чувствовала даже грубые рывки гребня по длинным волосам.

Филомена попыталась идти, но колени подгибались, ноги ее не держали, так как холод лишил ее силы. Бернс поймал Филомену, когда она начала падать на пол, но лучше бы ей упасть!

– Она слишком тяжела для нас, мистер Бернс, отнесите ее в комнату, – приказала сестра Шопф.

– Рад стараться, мадам, – весело ответил Бернс.

– Я помогу. Кажется, ванна остановила ее истерику, теперь некоторое время она будет спокойна. – Доктор Розенблатт оттолкнулся от стены и захлопнул историю болезни. – Отнесите-ка это в мой кабинет и проследите, чтобы нас не беспокоили.

Беспольные ноги Филомены с ужасным звуком скребли пол длинного коридора, вдоль которого ее тащили двое мужчин. Стены и потолок коридора были выкрашены в тот особенный белый цвет, который бывает только в подобных заведениях. Газовые фонари, висящие между дверями, не оживляли, а только подчеркивали холод и пустоту помещения. Даже замки и засовы на железных дверях были выкрашены белым. Все стерильно, в том числе и спальни, в которых нет ни света, ни тепла. Скромные ночные рубашки, чистые, с высоким воротом, сковывающие движения, но при этом облегающие и позволяющие видеть тело под ними.

Из груди Филомены невольно вырывались поскуливающие звуки, и она никак не могла с этим справиться. Челюсти болели, оттого что она их крепко сжимала, стараясь остановить стук зубов. Ночные звуки клиники, казалось, били по нервам. Каждое завывание несчастных сумасшедших царапало ей кожу, как ногтями. Заслышав звуки тяжелых шагов по коридору, некоторые женщины прильнули к железным прутьям решеток на крошечных окошках, смотрящих из комнат в коридор. Эти взгляды кололи Филомену, как иглы. Некоторые глядели на нее с издевкой, с ужасом, их глаза выдавали безумие. Другие, подобно ей оказавшиеся за этими стенами без причины, смотрели с жалостью, сквозь слезы. Филомена почти ничего не видела – в тот момент она не могла даже повернуть головы.

– Мне нравится, что она такая чистенькая и покорная, – сказал Бернс. – Но мне совсем не хочется совать член в кусок льда.

При этих словах Филомену охватил приступ паники. Она подозревала, что именно насилие над женщинами было целью доктора и его помощника. Знала, что для них клиника Белль-Глен стала чем-то вроде увеселительного заведения. Иногда среди ночи Филомена слышала крики давно живущих в клинике женщин, которые рожали прямо здесь. Она плакала и впервые в жизни благодарила небо за то, что была слишком высокой, слишком крупной и не вызывала у мужчин желания.

– Снаружи она уже теплая, – ответил доктор. – А мускульные сокращения сделают акт... еще интереснее.

Ужас охватил Филомену даже сильнее, чем грубые мужские руки.

– Пожалуйста, не надо, – залепетала она, но тут ее зубы снова застучали от охватившего ее холода. Если бы только она могла сопротивляться! Конечно, это ей не поможет, но у нее хотя бы не будет ощущения, что она закована в собственную плоть. Весь ее бессильный гнев был направлен на собственную беспомощность.

– Вот и хорошо, миледи, вы еще будете просить нас о милости, – произнес с наслаждением Бернс и обратился к доктору, стоявшему рядом. – Я давно хотел добраться до этих сисек. Почему вы заставили меня так долго ждать?

– Помните, Бернс, это же не переполненная государственная клиника, где нет надлежащего контроля. Потом она не простая женщина, а виконтесса. Я должен был убедиться, что семья не будет о ней волноваться, что они не изменят своего решения и не заберут ее домой. Но виконт Бенчли недавно заверил меня, что ее полностью поручили нашим заботам.

Бернс издал довольное урчание, а желудок Филомены едва не исторгнул ту малую порцию пищи, что в нем была. Вечером ей дали кусок хлеба с запеченным в нем пауком, поэтому она выпила только немного невкусного бульона.

– Никогда еще мне не доводилось иметь аристократку, – пробормотал Бернс.

– Вот так, леди Бенчли, – повернулся доктор к Филомене. – Вам следует знать, что ваш муж разделил и продал часть земли поместья Берч-Хейвен-Плейс, чтобы сделать щедрое пожертвование нашему заведению. Поэтому вы будете нашей гостей до конца своих дней.

Услышав ужасную новость, Филомена только всхлипнула, но слез уже не было. Кажется, теперь у нее совсем не осталось слез. Берч-Хейвен-Плейс был ее настоящим домом, ее единственным убежищем. Теперь она потеряла все, что у нее было.

К тому времени, когда они добрались до ее комнаты, толстяк-доктор Розенблатт запыхался и теперь ее тащил только его помощник.

– Не очень-то легкая птичка! Хотя это как раз хорошо. Таких сисечек не найдешь у какой-нибудь деликатной леди.

В руках доктора звякнули ключи, которые он достал из кармана, и это повергло Филомену в новый приступ паники, отчего сердце сильно забилося о ребра. В голове как будто зажегся огонь и потек вниз по позвоночнику, все тело будто погрузили в разъедающую кислоту.

Толстые пальцы доктора дрожали от возбуждения, полные щеки покраснели под седой бородой.

– Я буду первым, – сказал он. – Я ведь не знаю, что ты будешь с ней делать.

– Так понимаю, что вы и знать не хотите, – ухмыльнулся Бернс, и доктор ухмыльнулся в ответ.

И тут на глаза Филомены наконец навернулись слезы, и это показалось ей даже более важным, чем грубые руки, держащие ее онемевшее тело. Как бы Филомена хотела, чтобы ее, как прежде, шокировала их вульгарность! Раньше ей никогда не приходилось терпеть близость мужчины после того, как она сказала «нет» или когда плакала и сопротивлялась. Тут ее муж соблюдал приличия.

Когда дверь в ее комнату была открыта, Филомена почувствовала, что уже может шевелить пальцами. К ней возвращались силы, а кровь активнее текла по жилам. Это значило, что она может сопротивляться. Но разве она справится с двумя мужчинами?

Конечно, нет. Они ведь настоящие животные. Они издевались над ее ростом и размером ее бедер, в то время как тело мистера Бернса покрыто жирком, а доктор Розенблатт был просто толстяком. Они с ней справятся, и потом... она не могла сдержать позыв рвоты, который заставил ее задохнуться.

– Доктор Розенблатт! – в коридоре, как пушечный выстрел, раздался голос сестры Шопф. – Немедленно идите сюда!

Послышалась какофония безумных голосов – это пробудились другие пациенты, некоторые начали визжать и издавать страшные вопли.

– Произошло вторжение! – кричала сестра.

– Вторжение? – доктор Розенблатт заметно побледнел. – Кто?

– Полиция!

Доктор с отворачиванием выругался и бросил ключи Бернсу:

– Затащи ее в комнату и привяжи к кровати, а я займусь решением проблемы.

– С удовольствием! – Бернс прижал Филомену к себе и втолкнул в ту самую комнату, где ей приходилось по ночам вести бесконечную борьбу с наступающей тьмой.

– Только не привязывайте меня! – прохрипела она, так как отчаяние вернуло ей голос. – Не надо этого делать. Оставьте меня, пожалуйста!

Она очень боялась, когда ее привязывали ночью. Этот страх породил особенное ночное безумие в то время, когда тело не могло двигаться, а мысли бешено металась в голове. Филомена воображала всевозможные ужасы, порожденные холодом из-за неподвижности, когда она лежала распростертая на жесткой кровати. Она представляла, как случайно возникший огонь медленно ее поглотит, или лондонские крысы доберутся до ее ног и начнут их грызть, или пауки станут ползать по ее телу, а она не сможет их стряхнуть.

А тут появился новый страх. Двое мужчин получают неограниченный доступ к ее телу, а она не сможет сопротивляться, даже двинуться не сможет, чтобы смягчить боль, сопровождающую половой акт.

Постепенно от груди к бедрам и плечам начала медленно возвращаться сила. Везде, где Бернс ее трогал, ей казалось, что ее режут бритвами по шелку кожи. Треск разрезаемого шелка был почти осязаемым. Вместе с возвращением подвижности вспыхнула паника, и Филомена начала дергаться в грубых объятиях Бернса. Она билась, пытаясь оттолкнуть его, но чувствовала, насколько слабыми были ее попытки.

– Умоляю, не привязывайте меня!

И когда одной рукой Бернс потянулся за кожаным ремнем, которым ее привязывали к кровати, она размахнулась и локтем ударила своего мучителя по подбородку.

Бернс оскалил гнилые зубы, развернул Филомену и ударил огромным кулаком по лицу. Он отпустил ее, и она бессильно упала на твердый пол. Боль вспыхнула сначала в голове, ударила в уши и спустилась по шее, но она успела подставить трясущиеся руки, прежде чем голова стукнулась об пол. Во рту появился соленый привкус железа – Филомена прикусила щеку.

Бернс присел перед ней, и на его мясистом лице появилось обычное приятное выражение:

– Позвольте мне кое-что напомнить вам, графиня Огненная вагина, – я делаю это только по доброте сердечной, – мерзкий запах изо рта заставил глаза Филомены наполниться слезами. – Это снаружи вы благородная дама, которая ждет, что все будут вам угождать и лизать вам зад, но здесь вы просто сумасшедшая сука, которую заперли, потому что вы всем опротивели. И я скажу вам то, что говорю здесь всем. Если ты мне угодишь, я облегчу твою жизнь. А если ты будешь дрянью, то и жизнь твоя будет дрянной. И никто не поверит, что синяки тебе поставил я, все будут думать, что ты их сама себе понаставила.

Всё тело Филомены задрожало, наполняясь кровью, кожа горела, но ей все равно было холодно. Однако, несмотря на это, она ощущала, что в душе ее закипает черная сила, нечто темное и разрушительное, как будто пробудились демоны, с которыми она сражалась всю жизнь.

– Меня зовут *виконтесса* Огненная вагина, ты, мерзкое животное, – отрезала Филомена, удивив себя и Бернса. – Если уж ты хочешь звать меня этим поганым прозвищем, то хоть титул называй правильно!

И плюнула кровью в ненавистное лицо. Он повел себя именно так, как она ожидала, – его следующий удар подарил ей потерю сознания, чего она так добивалась.

Филомене (отец звал ее Меной) трудно было представить, как выглядит Рай. Но всякий раз, когда она думала о нем, перед ней вставал образ родного дома. *Настоящего* дома. Ей представлялся не Бенчли-Корт – величественный, роскошный особняк, где она прожила с мужем пять мучительных лет, иссушивших ее душу. И не клиника Белль-Глен, где она сейчас лежала на холодном каменном полу в луже собственной крови.

Нет, она думала о настоящем доме, ее Берч-Хейвен-Плейс, об идиллическом поместье в Хэмпшире, принадлежащем ее отцу-баронету. Берч-Хейвен-Плейс настолько же походил на рай, насколько клиника – на чистилище.

Погруженная в темные воды обморока, Филомена чувствовала на своем лице солнце южной Англии. Можно было закрыть глаза и снова ощутить игру света и тени, как бывало, когда она устраивала пикник в своей любимой березовой роще или просто читала под деревьями летним днем. Она любила смотреть через поля на свой уютный дом в георгианском стиле, который представлял собой не скромный коттедж, но и не настоящий помещичий особняк. Она любовалась его краснокирпичными стенами, белыми окнами и целым лесом труб на крыше. Отец часто говорил, что этих труб слишком много. Но Мена обожала эти, казалось бы, ненужные трубы.

Когда она была маленькой, сад был ее сказочной страной, где обитало ее воображение. Потом была конюшня, поскольку ей позволяли верхом обследовать окрестности до того места, где поля скатывались к морю. Большой камин в скудно обставленной гостиной был теплым уголком, где каждую зиму вместе с отцом было так уютно склоняться над книгами, чувствуя себя отрезанными от остального мира.

Отец был очень милым человеком, но его происхождение не позволяло ему стать членом высшего общества: он был слишком деликатен для света, слишком эксцентричен для любого общества вообще и слишком богат, чтобы им можно было пренебрегать. Мать Филомены умерла от скарлатины, когда девочка была еще совсем маленькой, и барон Филип Хотон защищал и баловал единственную дочь как мог. Он дал ей хорошее образование, обращался с ней как со своим сокровищем и научил любить интеллектуальные занятия и сельское хозяйство.

Когда семейство Сент-Винсентов купило огромное поместье Грандфилд-Мэнор рядом с Берч-Хейвен, барон увидел в этом возможность спасти свою единственную дочь от незавидной судьбы старой девы. Тяжелая болезнь, которую он скрывал от Мены, разрушила кости отца. И незадолго до ее свадьбы болезнь его убила, оставив Филомену одну на свете на милость сурового мужа и его ненавистной семьи.

Теперь поместья Берч-Хейвен тоже не стало, отец давно умер, и в мире не осталось ни тепла, ни солнечного света.

Холод пронзил Филомену, когда она пришла в сознание и поняла, что находится не на небесах. Она открыла глаза и увидела лицо дьявола, окликающего ее по имени, повязку на глазу, которая пересекала угрюмое, сердитое, но при этом красивое лицо сатира.

– Не шевелитесь, леди Бенчли.

Это говорил черноволосый и темноглазый дьявол, заворачивая дрожащее тело Филомены во что-то тяжелое и теплое. Наверное, в свою накидку.

– Не смотрите туда, – приказал он тихо.

Рядом кричал какой-то человек. Неужели мистер Бернс? Этот голос заставил Филомену поежиться. Ее лицо ныло от боли. Из коридора доносились безумные и радостные крики женщин, среди которых раздавались строгие голоса мужчин.

Рядом раздался отвратительный треск, и Филомена оглянулась, несмотря на запрет черноволосого дьявола.

Бернс упал из рук незнакомого светловолосого военного. Его шея была странно вывернута под невозможным углом, а глаза невидяще уставились на холодные белые стены. Последние минуты мистера Бернса были наполнены ужасом, и Филомену это обрадовало.

– Ему не следовало распускать руки, – пояснил убийца ничего не выражающим голосом.

– Мистер Арджент, неужели вы только что убили этого человека? – с укором спросил светловолосый мужчина в безупречно отглаженном костюме, который вошел в комнату Филомены.

Он говорил тоном старшего товарища, хотя вряд ли был намного старше Дориана Блэквелла или Кристофера Арджента. Арджент тронул носком сапога плечо Бернса, и на его холодном лице появилось выражение полной невинности:

– Нет, старший инспектор Морли, я нашел его уже мертвым.

Старший инспектор перевел взгляд с Арджента на Филомену, и в его голубых глазах отразилось сочувствие. Потом он посмотрел на черноволосого дьявола, склонившегося над женщиной. Глава Скотленд-Ярда был человеком умным, и Филомена поняла, что он в течение нескольких секунд оценил ситуацию.

– Что скажете, Блэквелл?

– Этот подонок, кажется, поскользнулся, пытаясь оскорбить действием эту леди. – Дориан Блэквелл, известный под прозвищем Черное сердце из Бен-Мора, пожал плечами и мельком глянул на Арджента, а потом перевел взгляд на старшего инспектора Морли.

Между тремя мужчинами произошел короткий безмолвный разговор, во время которого Филомена боялась вздохнуть, и после этого старший инспектор опустил плечи и кивнул:

– Я пришлю врача для виконтессы, – произнес он сквозь стиснутые зубы. – Настоящего врача, поскольку собираюсь добиться, чтобы здешнего доктора повесили.

– А я займусь этой грудой мусора, – произнес Арджент, взяв грязное тело Бернса за ногу и потащив его к двери, будто оно весило не больше мешка с картошкой.

Повернувшись к Филомене, Дориан наклонил голову, чтобы разглядеть ее здоровым глазом, и ласково произнес:

– Лежите, не двигайтесь, леди Бенчли. Моя жена, леди Нортуок, ждет в экипаже. Если доктор скажет, что вам можно двигаться, мы тотчас вас отсюда заберем.

И тут Филомена снова потеряла сознание, на этот раз от облегчения.

Глава 2

Галлюцинации, видения, сны наяву – вот они, настоящие симптомы безумия. Но Филомена каждый раз щипала себя, чтобы проснуться, и не просыпалась.

Это была явь. Филомена быстро смигнула подступившие слезы благодарности и взглянула на двух дам, удобно устроившихся на козетках. Они уже второй день с интересом наблюдали, как мадам Сандрин с помощницами готовили для Филомены новый гардероб. Если бы Мена решила их нарисовать, то картина называлась бы «Ангел и соблазнительница».

Фара Ли Блэквелл, графиня Нортуок, расположившаяся справа от Филомены, была воплощением женственности, ангельски нежной английской красоты. Ее платье из муслина цвета слоновой кости, украшенное кружевом, подчеркивало изящество светлой прически с вплетенными золотыми нитями. Фара пила чай из тонкой фарфоровой чашки. Никто бы не подумал, что она была женой знаменитого Черного сердца из Бен-Мора, короля лондонского преступного мира.

Слева от Филомены раскинулась в роскошной позе Миллисент Ли Кер, одетая в темно-красное платье. Она крутила на пальце кольцо из слоновой кости и, прищулив темные как ночь глаза, рассматривала Филомену. Во рту она держала шоколадный трюфель, не скрывая чувственного удовольствия.

– Знаю, вы стесняетесь своих широких плеч, дорогая, но когда вы сутулитесь, то производите впечатление покорности и неуверенности в себе. У вас прекрасная фигура, и вы должны ею гордиться. Откиньте плечи назад, распрямитесь, как будто за плечами выросли ангельские крылья.

Милли встала, выпрямилась и показала, что нужно делать. Ее поза демонстрировала уверенность и властность.

– И еще. Держите подбородок параллельно полу. Куда бы вы ни глядели, что бы ни делали, никогда не опускайте подбородок.

Получать уроки от самой знаменитой актрисы на лондонской сцене! Филомена не могла поверить своей удаче. Она старательно повторила королевскую позу Милли, глядя на себя в зеркала, окружавшие подиум, где она стояла.

Теперь ее плечи, широкие и округлые, являли картину гордого достоинства. Грудь возвышалась над новым корсетом, который немного стискивал ее и делал меньше. На ней было надето платье в зелено-золотую клетку, украшенное элегантными темными пуговицами, которое полностью соответствовало ее новому положению гувернантки.

Однако весь эффект портило лицо. Филомена потрогала языком разбитую губу и поняла, что опухоль значительно уменьшилась за три дня, прошедшие с тех пор, как ее увезли из клиники Белль-Глен. Под глазом у нее набух черный синяк, мешавший смотреть. Но все это время она прикладывала к синяку холодные компрессы, о чем позаботилась леди Нортуок, и сейчас лицо стало походило на то, каким было прежде. Хотя синяки все еще были яркими и напоминали о человеке, который их поставил.

Миллисент Ли Кер была невестой Кристофера Арджента, того самого, кто без труда сломал шею мистеру Бернсу. Филомене было интересно, знает ли актриса, на что способен ее суженый. Нужно лишь раз взглянуть на Арджента, чтобы понять, что он смертельно опасен. Арктических холод его голубых глаз таял только при виде Миллисент и ее прелестного сына Джейкоба. Филомена всю жизнь будет благодарить этого человека за то, что он оттащил Бернса от ее бесчувственного тела и спас от позора, который ее ожидал.

Филомене казалось, она должна ужаснуться тому, что ей пришлось присутствовать при убийстве человека, но она радовалась и была благодарна за то, что Бернс больше не будет мучать беззащитных женщин. Еще больше она была благодарна этим двум женщинам, взяв-

шим ее под свою опеку и даже заплатившим за новую одежду, которую шила для нее самая модная портниха в Лондоне, а также за новое белье, обувь и другие необходимые вещи.

Она подозревала, что мадам Сандрин работала на Дориана Блэквелла, и поэтому умела держать язык за зубами.

– Вот так-то лучше, – похвалила Милли. – Я думаю, мы добились правильного эффекта. Теперь никто не усомнится в том, что вы уверены в себе и своем авторитете.

– Признаюсь, у меня никогда не было никакого авторитета... да и уверенности в себе тоже.

– Вот это и называется актерская игра! – сказала Милли и отошла, дав возможность мадам Сандрин, темноволосой маленькой француженке, державшей в руке корзинку с разными мелочами, заниматься платьем.

Мадам поставила корзинку и наклонилась, чтобы осмотреть подол последнего платья из нового гардероба Филомены.

– Знаете, я обнаружила, что очень часто, когда изображаешь что-нибудь, начинаешь в это верить.

– Милли права, дорогая! – Фара поставила чашку на столик у козетки и встала. – Часто приходится изображать уверенность в себе, и уверенность в конце концов появляется.

Фара внимательно осмотрела лицо Филомены, в ее глазах читалось сочувствие и ободрение.

– Ваши раны скоро заживут, – заверила Милли. – Вы теперь выглядите значительно лучше. Мне кажется, мы сочинили замечательную историю, объясняющую их происхождение.

– История действительно замечательная, даю слово, – согласилась Фара. – Ваше положение продлится недолго. Дориан уже начал процесс, после которого вас освободят от вашего диагноза, хотя он идет ужасающе медленно.

– Давайте повторим роль!

Несмотря на обличье настоящей соблазнительницы, Миллисент Ли Кер обладала умом и настойчивостью офицера, обучающего отряд.

– Назовите свое имя.

Филомена сделала глубокий вздох и постаралась сосредоточиться, чтобы в ее памяти правильно запечатлелись сведения, соответствующие той новой личности, которую создал для нее Дориан Блэквелл.

– Меня зовут Филомена Локхарт.

– Откуда вы?

– Из Борнмута в графстве Дорсет, но последние четыре года я жила в Лондоне, где работала гувернанткой.

– Я все же думаю, что нужно полностью сменить имя, – предложила Фара. – Пусть это будет что-нибудь обычное, например, Джейн, Энн или Мэри.

Но Миллисент энергично покачала головой.

– Она не выглядит как обычная женщина с таким именем. Я уверена, что легче говорить ложь, если в ней содержится толика правды. Она отзывается на имя Филомена, потому что к нему привыкла, к тому же оно достаточно обычное. Мы выбрали Борнмут, потому что он расположен недалеко от Хэмпшира, где Филомена выросла, знает этот город и может вспомнить подробности, если спросят.

Фара подумала, постукивая пальцем по ямочке на подбородке, и сказала:

– Пожалуй, ты права.

Мисс Ли Кер снова повернула к Филомене прелестное личико, окруженное кудрями, и продолжала задавать вопросы.

– У кого вы работали в Лондоне?

– В семействе Уайтхолл. Муж и жена, муж – судовладелец.

- Как их зовут?
- Джордж и Франческа.
- Как зовут их детей?
- Себастьян – он учится в Итоне, и Клара – она обручена.
- С кем обручена?

Филомена задумалась, глаза ее расширились, и тут она поморщилась, потому что от этого движения заболел синяк вокруг глаза.

– Я не помню, чтобы мы об этом говорили.

– Потому что об этом мы еще не говорили. – Актриса внимательно выбирала еще одну конфету-трюфель, как шахматист выбирает следующую шахматную фигуру. – Я хочу показать вам, что нужно импровизировать. Просто говорите то, что первое придет в голову.

– В последнее время голова у меня удручающе пуста, – вздохнула Филомена.

Фара сочувственно кивнула:

– Вы испытали огромное напряжение. Милли, может быть, нужно сделать перерыв?

– Нет! – воскликнула Филомена и тут же получила от мадам Сандрин укоризненный взгляд. Она опомнилась и замерла. – Нет, я буду стараться.

– Как зовут жениха Клары?

– Может быть, Джордж? – Это было первое имя, пришедшее в голову.

– Но так зовут ее *rara*, – сказала снизу мадам Сандрин с сильным французским акцентом.

Филомена растерялась – даже портниха сообщает лучше нее.

– Я всегда была плохая лгунья, – пожаловалась Филомена, прижимая руку ко лбу. – И актриса из меня отвратительная! Мне кажется, я не справлюсь.

– Чепуха! – Милли подбоченилась, подчеркнув совершенную форму своих бедер, обтянутых темно-красным шелком. – Вы сильная! Разве может это испытание сравниться с тем, что вам довелось выдержать?

Никто прежде не называл Филомену сильной, наоборот, ее считали тихой мышкой. Возможно, сила не была ее достоинством, но она помогла ей все пережить. Ведь она сумела уцелеть, разве нет? Во многом благодаря доброте этих двух удивительных женщин.

Неожиданный прилив благодарности охватил Филомену, у нее сжалось горло.

– Не знаю, как я смогу отблагодарить вас обеих за то, что вы для меня сделали. Вы не просто спасли, а еще дали мне новую одежду, новую жизнь, дали мне работу. Я надеюсь, что не подведу вас и смогу запомнить все, что мы тут придумали, и правильно запомнить.

Милли тряхнула кудрями, ее глаза заискрились.

– Как бы я хотела, чтобы все это вам не пригодилось, чтобы нам не пришлось отсылать вас так далеко. Но ваш муж и его родители подняли страшный шум и ищут вас. Господи, они такие...

Тут Фара ее остановила.

– У вас все будет хорошо, – сказала она ободряюще.

– Повторяю, вы можете остаться у нас, – предложила Милли. – Кристофер застрелил одного из членов вашей семьи, спасая мне жизнь. Поэтому наш дом в Белгравии будет последним местом, где вас будут искать.

И опять глаза Филомены наполнились слезами от бесконечной щедрости этих женщин.

– Вы не представляете, как много для меня значат ваши предложения. Но полиция знает, что я рассказала о всех преступлениях моей семьи, чтобы спасти вашу. Главный инспектор Морли знает, что мы хорошо знакомы, и мне кажется, это может поставить под удар новую карьеру вашего жениха.

Милли нахмурилась, чувствуя разочарование, но возражать не стала. Кристофер Арджент был самым высокооплачиваемым наемным убийцей в империи. Но теперь, полюбив

Милли, он решил попробовать себя в роли поборника закона. Если вспомнить, что случилось с мистером Бернсом, то возникают сомнения, подходит ли этот мужчина для такой роли.

– Мы уже решили, что из соображений безопасности вы должны покинуть Лондон, так как ваш муж или его шпионы могут явиться сюда, – мягко напомнила Фара. – К тому же в Шотландии все подготовлено, и лорд Рейвенкрофт уже сообщил, что встретит ваш поезд завтра вечером.

У Филомены упало сердце. Она еще не осознала по-настоящему, как за столь короткий период из виконтессы превратилась в узницу Белль-Глен, а потом в незамужнюю гувернантку.

Тут мадам Сандрин встала, ее глаза округлились от удивления:

– Вы будете работать у Демона-горца?

– Что вы сказали? – охнула Филомена. Она не могла скрыть дрожи в голосе. – Кто это? Фара поморщилась, и это не успокоило растущую панику Филомены.

Мадам Сандрин заторопилась и с чувством начала рассказывать:

– Говорят, маркиз Рейвенкрофт в свое время вышел на перекресток трех дорог, чтобы заключить союз с самим дьяволом, и тот обещал, что маркиз никогда не погибнет в бою. Рассказывают, что он бросался навстречу пушкам и ружьям, но пули и ядра его огибали, пролетали мимо, будто его не было. Он убил столько человек, что в аду лежит целая гора костей, названная его именем. Он самый свирепый человек из ныне живущих. Говорят, он может убить одним касанием...

– Мадам Сандрин, – резко сказала Фара. – Достаточно!

– Целая гора костей? – Филомена, не веря своим ушам, уставилась на двух женщин, которые выглядели сейчас довольно виновато. – Куда вы меня отсылаете?

Фара вышла вперед:

– Вы же знаете, как газеты умеют делать из всего сенсацию. Да, лорд Рейвенкрофт двадцать лет был военным и награжден за выдающуюся доблесть, проявленную в Азии и обеих Индиях. Его дети уже выросли и стали почти взрослыми, значит, он уже пожилой человек. Он уволился из армии и стал просто отцом семейства и землевладельцем. Уверяю вас, вам нечего бояться.

Но Филомена испугалась. Внутри у нее все сжалось, а ноги начали подгибаться. Неужели она попадет из огня да в полымя? Возможно, на мнение Фары влияет ее собственное положение жены Черного сердца из Бен-Мора, который стал королем преступного мира Лондона в результате войны, залившей кровью улицы лондонского Вест-Энда.

– Когда живешь с таким смертельно опасным мужем, не задумываясь, посылаешь человека к... самому свирепому человеку из ныне живущих, – закончила она вслух.

Дрожь заставила ее голос прерваться, кожа на лбу начала дергаться от тика. Филомена упала на колени и начала ловить ртом воздух.

Фара опустилась рядом и стала теплой рукой гладить ей спину:

– Мена, я понимаю, вы меня еще недостаточно хорошо знаете, но я – ваш друг, и я не послала бы вас туда, где вам может грозить опасность.

Но Филомена только трясла головой, потому что не могла говорить, так билось у нее сердце. Страх сжал ей горло.

Фара достала что-то из кармана юбки и протянула Филомене. Это было письмо со взломанной сургучной печатью.

– Прочтите, – сказала она, – и тогда решайте. Дело в том, что, показывая вам это письмо, я доверяю вам сведения, о которых знают немногие.

Милли присела рядом и взяла Филомену за руку:

– Я знаю, каково это – побывать в безнадежной ситуации, и хочу вам помочь.

Филомена уставилась на письмо и постаралась выровнять дыхание. На толстом листе бумаги было написано имя Фары. Подчерк был крупный, твердый, мужской. Буквы одного размера и очертаний выстроены в ряд, как солдаты на плацу.

– Что это? – прошептала Филомена.

– Иногда, – голос Милли, обычно такой веселый, стал тихим и серьезным, – в ситуациях, подобной вашей, самым безопасным местом является дом страшного человека.

«Дорогая леди Нортуок!

Этим письмом я хочу уведомить Вас и Дориана, что я оставил военную службу и вернулся в Рейвенкрофт-Кип, чтобы заниматься фермами, принадлежащими нашему клану, арендаторами и нашей винокурней.

Возможно, Вы знаете, что я овдовел десять лет назад и мои дети росли почти как сироты. Большую часть их жизни я провел на службе Ее Величества за границей. В мое отсутствие их образованием почти никто не занимался.

Если солдату удалось дожить до моего возраста, то у него есть много причин для сожалений. Но мои сожаления не ограничиваются теми ужасами, которые случились со мной на войне, они относятся и к тому, что я оставил на родине. Это касается не только детей, но и Вашего мужа, моего брата.

Я знаю, что не имею права просить Вас о снисхождении. Я не тот человек, что привык полагаться на доброту других. Однако, будучи простым солдатом, я плохо подготовлен к тому, чтобы учить моих детей манерам, которые необходимы для наследников титула маркиза. Рианна будет выезжать в этом сезоне, а Эндрю хочет учиться в университете, когда придет время. Значит, им нужна чрезвычайно опытная гувернантка и наставница. Поэтому я прошу Вас не ради меня, а ради детей найти такую гувернантку. Они заслуживают самого лучшего образования. Цена не имеет значения. Сообщите гувернантке, что все ее дорожные расходы будут возмещены и она получит такую оплату, какую вы сочтете удовлетворительной.

Буду чрезвычайно признателен за Вашу помощь. Пожалуйста, передайте Вашему мужу мои наилучшие пожелания.

*С благодарностью, подполковник Уильям Грант Руарид Маккензи, маркиз
Рейвенкрофт
Уэстер-Росс, Шотландия, осень 1878 года»*

Филомена посчитала настоящей божьей милостью, что колесо экипажа с шумом развалилось не на опасном участке дороги через Хайленд, а когда они уже повернули на запад, в сторону покрытого зеленью полуострова, где расположен Рейвенкрофт-Кип. Если бы оно сломалось раньше, их экипаж неминуемо разбился бы о черные камни, покрывавшие дно долины, заросшей мхом.

Кучер в полной ливрее – его звали Кеннет Маккензи – один встретил ее на железнодорожной станции Страткаррон. Филомена и предположить не могла, что этот пожилой мужчина преодолет крутые повороты через перевал Хайленд с такой скоростью, будто за ним гналась сама смерть с косой.

Бегло осмотрев сломанное колесо, кучер пробормотал что-то на невнятном английском, отпряг одну из четырех лошадей и отправился за помощью, оставив Филомену наедине с тремя лошадьми, в то время как на них надвигалась гроза. Прошло уже больше часа – Филомена проверила по новым карманным часам. Проливной дождь постепенно скрыл от нее прекрасный вид, которым она любовалась до этого.

Пейзажи Хайленда заворожили ее настолько, что она забыла о своем несчастном желудке, который изрядно встряхнуло во время крутых изгибов дороги, и о страхе за жизнь. Филомена

и раньше видела красивые ландшафты, поскольку выросла на фоне буколических пейзажей Хэмпшира.

Но Уэстер-Росс ничем не напоминал мирные поля и луга Южной Англии. Эти места дышали непокоренной дикостью, каждый камень был окружен древней мистикой. Она чувствовала это так же ясно, как водяную пыль, наполнившую воздух во время грозы, или осенний аромат отцветающего вереска и татарника. Мох и обильная растительность покрывали темные скалы и землю, раскрасив их во всевозможные оттенки зеленого.

Теперь низкие тучи легли на черные каменные вершины, как неумолимые захватчики. В этих местах даже дождь был другим. В отличие от дождей Лондона влага не падала с высоких небес, она окутывала человека холодом нераскрытых тайн, окружала плотным туманом, который разрывал сильный ветер.

Филомена дрожала, несмотря на теплое платье из тяжелой шерсти и одеяло, которым ее укрыл кучер, вытащив из-под сиденья. Холод добрался до нее через одежду, пробирал до костей.

Но все-таки это не ледяная ванна, значит, она способна это выдержать. Однако непонятно, сколько придется терпеть. Вдруг что-то случилось с Кеннетом Маккензи, пока он скакал через бурю? Из-за дождя видимость упала до десяти шагов, и в таких местах можно легко угодить в какое-нибудь болото или упасть в овраг.

Вдруг послышался звук, напоминающий быстрое биение ее сердца, и Филомена выглянула из окна экипажа. Она увидела нескольких всадников, возникших из тумана подобно призракам воинов-якобитов, появляющимся на этих болотах последние сто лет.

У нее перехватило дыхание. Их мощные плечи были укрыты тяжелыми накидками, но голые колени торчали из-под сине-зеленых с золотом килтов. Всадники заставили лошадей перейти на шаг и подъехали ближе к экипажу, и тогда Филомена смогла их рассмотреть.

Тут она поняла, насколько беззащитна перед лицом опасности. Конечно, это могла быть помощь, вызванная Кеннетом Маккензи, но самого Кеннета среди всадников не было. Она насчитала семерых, все большие и ужасно грязные. Это могли быть разбойники, насильники, убийцы – да кто угодно!

О боже! Всадники окружили экипаж и стали с любопытством заглядывать в окошки, залитые дождем, переговариваясь между собой на мелодичном наречии горских шотландцев. Филомена решила, что это гэльский язык, хотя не понимала ни слова.

И тут она увидела *его*. Во рту у нее пересохло, а по телу пробежала дрожь, не имеющая никакого отношения к холоду. На нем был испачканный килт и свободная льняная рубаха под совершенно мокрой накидкой. Всадник сидел на жеребце шайрской породы и держал себя настоящим королем. Темные волосы крупными, мокрыми от дождя волнами спускались на спину, а от широких плеч исходила мощь.

Кем бы ни был этот всадник, он был вожаком. Это было видно по тому, как к нему обращались другие, как они глядели на него. Он главенствовал если не по рождению, то по природному превосходству силы. Всадник возвышался над всеми. Потом он заглянул к ней в экипаж.

Даже сквозь свою черную вуаль и сажу, испачкавшую его лицо, Филомена сумела разглядеть напряжение, исходившее от этого человека. Агрессия сверкала в яростных, глубоко посаженных глазах. Он казался свирепым воином из племени пиктов, который не только мог выжить в этих красивых суровых местах, но и покорить их.

Филомена вздрогнула, увидев мелькнувшую перед глазами часть обнаженного мускулистого бедра, когда всадник спешил. Даже стоя на земле, он был выше и шире остальных мужчин. Боже, он, кажется, подходит все ближе и хочет открыть дверцу. Филомена бросилась к ней и вытащила ключ в тот момент, когда великан попытался открыть экипаж. И тут их глаза встретились. В этот момент она перестала видеть дождь. И все, что было вокруг.

Филомена уже знала, что бывают в жизни минуты, которые меняют все. В результате существование делится на *до* и *после*, и становится ясно, кто чего стоит. Благодаря им открываются самые потайные части личности для честного и строгого осмотра, а также для понимания, какие изменения произошли. В ее жизни было несколько таких поворотов. Сначала трагическая смерть ее матери, когда Филомене было всего девять лет. Потом, когда она впервые пустила свою лошадь в галоп на ферме отца и ощутила вкус полной свободы. Был первый поцелуй. И ужасное испытание первой брачной ночи. А еще был момент, когда она узнала, что никогда не сможет стать матерью.

Поэтому Филомена осознала, что настал такой момент. Но не только она занималась осмотром – великан по другую сторону хлипкой дверцы тоже ее разглядывал. То, что Филомена увидела в этих янтарно-черных глазах, одновременно пугало и притягивало. Перед ней был человек, способный на невероятную жестокость, но в то же время за недоверием и злостью в его глазах таилась печаль. Этот шотландец мог показаться даже красавцем, если смыть грязь и копоть, потому что эти обветренные горцы были по-своему привлекательны.

Филомена моргнула, ругая себя за то, что так смотрела на этого разбойника-убийцу, и оцепенение прошло.

– Откройте дверь, – приказал разбойник глубоким басом.

– Нет! – ответила Филомена и, вспомнив о хороших манерах, повторила. – Не надо, пожалуйста!

Они называли его Демоном-горцем.

В течение двадцати лет Лиам Маккензи возглавлял ряд пехотных, потом кавалерийских и артиллерийских полков. Во время восстания сипаев бился с разъяренными толпами и покрыл себя славой, когда удалось подавить это восстание. Он способствовал ликвидации Ост-Индской кампании с помощью шпионажа, убийств и даже прямого военного вмешательства, залил джунгли кровью, чтобы корона могла установить прямой контроль над кампанией. Он возглавлял атаку на китайские пушки во время Второй Опиумной войны, умудрившись верхом прорваться через азиатскую огневую батарею. Секретно проводил спасательные операции в Абиссинии и области Ашанти, оставляя после себя горы трупов. Он занимался подготовкой наемных убийц и сам убивал предателей, свергал целые династии и казнил тиранов. Вот таким был Уильям Грант Руарид Маккензи, подполковник Королевских хайлендских войск, маркиз Рейвенкрофт, девятый лэрд и глава клана Маккензи из Уэстер-Росс. Агент короны и вождь своего народа.

Когда Лиам отдавал приказ, ему подчинялись и аристократы, и плебеи, чаще всего не задавая вопросов. У него не было времени на эту даму. На восточных полях возник пожар, и его люди боролись с ним до изнеможения. Дождь оказался даром божьим, он спас озимые. Когда Кеннет прискакал к ним и объяснил, что произошло с экипажем, людям пришлось бросить все и мчаться пять миль под холодным осенним дождем, чтобы спасти эту хорошенькую неженку.

И эта дамочка не пустила его в его собственный экипаж, не послушалась команды, ответив вежливо «не надо, пожалуйста!». В другом случае он просто сорвал бы дверцу с петель, вытащил ее из коляски и заставил пожалеть о случившемся. Придется так и сделать, иначе его люди подумают, что он – слабак. А может быть, наоборот, они решат, что он – настоящий зверь. Теперь Лиам уже не знал, что делать. Ведь Маккензи – фермеры, а не солдаты, и правила, которыми он руководствовался раньше, не подходили для Рейвенкрофта. К сожалению!

Их взгляды встретились, и Лиам почувствовал, как земля у него под ногами вздрогнула, чего никогда не было раньше. Но вздрогнула не так, как бывает на податливой почве болота, и не так, как на скользком иле под грубыми башмаками. Просто земля медленно повернулась в космосе и встала на то место, которое было для нее предназначено.

Что-то светилось в мягком взгляде сияющих зеленых глаз, и это нечто, казалось, лишило его способности соображать. Лиам был взволнован, даже разъярен. Он подергал ручку дверцы.

– Откройте немедленно! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

Но чертовка чинно покачала головой, и ее губы под тяжелой вуалью дрогнули. Она открыла небольшое окошечко, устроенное для вентиляции над большим окном, и ответила на безупречном английском языке:

– Благодарю вас, но я не могу открыть.

У Лиамы даже косточки хрустнули, так крепко он сжал кулак.

– Кажется, мы изрядно напугали девицу, – заметил на родном гэльском Рассел Маккензи, управляющий Лиамы. – Посмотрите, на кого мы похожи!

Лиам посмотрел на измазанного сажей управляющего, на свою промокшую одежду и согласился:

– О да!

Потом снова повернулся к женщине:

– Если вы отправитесь с нами, мы отвезем вас в Рейвенкрофт-Кип и спасем от бури. А потом пошлем за вашими вещами.

Филомена нервно оглядела мужчин, окруживших коляску, и Лиаму показалось, что, когда она повернула голову, он заметил рану на ее губе. Но рассмотреть женщину, пока она была внутри, не удавалось. И это, видит бог, его очень раздражало, так как хотелось увидеть ее целиком и понять, так ли она хороша, как ее глаза.

– Я высоко ценю ваше щедрое предложение, сэръ, но мне нужно дождаться кого-нибудь из поместья Рейвенкрофт, чтобы они меня забрали отсюда. Они прибудут с минуты на минуту.

Ее слова вызвали оживление у спутников Лиамы. А он подумал, что не помнит, когда его так часто благодарили в течение одного разговора и при этом отказывали.

– Это мы и есть, девушка, – сказал Томас Кэмпбелл, мужчина, похожий на медведя, и указал на Лиаму. – А вот это сам маркиз, правда ведь, лэрд?

– Да. – Лиам кивнул, ожидая, что теперь, когда все стало на свои места, ему откроют дверцу.

Но вместо ожидаемых знаков почтения женщина скептически повела бровью, оглядев его, и ответила:

– Все-таки я подожду.

На этот раз смех стал еще громче, и Лиам стиснул зубы.

– Я Лиам Маккензи, маркиз Рейвенкрофт, лэрд и глава клана Маккензи из Уэстер-Росс. Язык упрямой дамы облизнул рану на губе, потому что она обдумывала возникшую проблему. Тем временем Лиам снова потрогал дверцу, чтобы проверить, не открыта ли она. И тут в голову женщины пришла идея.

– Есть ли при вас доказательства вашего титула или дворянского звания? – спросила она, глядя на него выжидательно, будто предлагала решение важной проблемы. – Например, перстень с печаткой или печать...

– То, что я не развалил этот экипаж на куски голыми руками, уже доказывает мое дворянское звание, – прорычал Лиам сквозь стиснутые зубы. – Откройте же эту чертову дверь!

– Извините, не открою! – И она захлопнула окошко.

Смешки его подчиненных тут же оборвались, стоило ему развернуться и посмотреть на них. Лиам снова повернулся к экипажу и стукнул в окошко, на этот раз стараясь его не разбить. Дама тут же открыла.

– Вам что-нибудь нужно?

– Эй! – подал голос Рассел Маккензи, прежде чем его хозяин заговорил. – Почему вы решили, что это не лэрд Маккензи?

Лиам хотел было рыкнуть на Рассела, но пришлось признать, что это был хороший вопрос.

– Потому что маркиз – отец двоих уже довольно взрослых детей, вернувшийся с военной службы, которая продолжалась несколько десятков лет. Он должен быть довольно пожилым человеком, а не таким... дюжим молодцом... – леди повела длинными ресницами в сторону Лиама, прежде чем завершить, – и не так выглядеть.

В Лиаме вдруг проснулось нечто давно забытое, давно похороненное в самом темном уголке души. Странная гордость, свойственная подросткам в период взросления. В свои сорок лет он уже забыл, как это бывает. Ему не раз приходилось испытывать откровенные заигрывания со стороны красивых женщин, даже довольно молодых. Но признание его мужественности со стороны девицы под густой вуалью неожиданно заставило его покраснеть, как неопытного щенка.

– Черт возьми, вот так проблема! Нужно вытащить ее оттуда, Лиам, – убеждал его Рассел на гэльском, не скрывая усмешки. – В своем медном корсете она же замерзнет, как ведьма на болоте!

Лиам вздохнул, чтобы успокоиться.

– Что нужно сделать, чтобы вы добрались до Рейвенкрофт-Кип? – спросил Лиам тоном, которым говорят с несмышленным ребенком.

– Думаю... – Женщина осмотрела его команду, потом взглянула на него. – Раз вы спрашиваете, то я, конечно, заплачу вам, если вы, джентльмены, почините колесо у этого экипажа.

Все четыре Маккензи и двое Кэмпбеллов зашлись громовым смехом, заставив женщину нахмуриться. Даже Лиам прикусил губу, чтобы скрыть улыбку. Он внимательно следил за тем, как его новая гувернантка с изумлением наблюдает за ними.

– Всего-то? – Томас Кэмпбелл фыркнул, стряхивая капли дождя с шапки.

– Просто поставить на место колесо и отправить вас с богом? – Рассел рассмеялся так громко, что его лошадь взбрыкнула.

– Именно так! – строго ответила Филомена.

Горцы вообще веселый народ, но Лиам давно не слышал, чтобы его люди смеялись так искренне:

– Отошлите-ка вы ее домой! Не очень-то она сообразительна! Может, лучше взять ее в любовницы вместо гувернантки, она такая забавная и хорошенькая!

Лиам с интересом стал разглядывать выражение лица женщины, скрытое густой вуалью. Судя по голосу и по тому, что видно под вуалью, она довольно молода. Интересно, почему Фара Блэквелл выбрала именно ее, чтобы послать к нему? Разве он неявно изложил свои требования?

Девица терпеливо ждала, пока не стихнет веселье и снова заговорила:

– Извините меня, господа, но я осмотрела колесо немного ранее, еще до того, как начался дождь, и мне показалось, что его несложно будет закрепить, если вы возьметесь за дело все вместе.

– Ну-ка, барышня, поучите нас, как это можно сделать! – Рассел вытер то ли дождевые капли, то ли слезы смеха с красной обветренной щеки. – Нужно просто надеть колесо на ось и закрепить там... чем? Может, молитвой?

На этот раз женщина тоже улыбнулась:

– Нет... – и указала из окна длинным элегантным пальчиком. – Посмотрите, и вы увидите, что и колесо, и ось в отличном состоянии. Если вы посмотрите сюда, то увидите, что основные детали здесь две чеки, – она встала на колени, чтобы высунуть руку из оконца и указать на причину проблемы. – Их срезало сверху, поэтому колесо отскочило.

Все мужчины, Лиам в том числе, молча уставились на нее. Исчезли все признаки насмешки. Отчасти это произошло из-за ее слов, а отчасти потому, что она прижалась грудью

к окошку экипажа. Несмотря на плотное шерстяное платье бордового цвета, они поняли, что такая роскошная фигура может только во сне присниться. Возможно, она выглядела смешно, когда высунулась из крошечного оконца. Но Лиам сгорал от стыда, и не только от стыда, когда понял, что, как и другие мужчины, пялится на женщину с отвисшей челюстью. Неужели это ее настоящая грудь, а не какое-нибудь ловкое приспособление, придуманное в Лондоне? В тот момент он пожертвовал бы одним глазом, чтобы узнать правду. И тут же ему захотелось выжечь глаза всем, кто на нее уставился.

– Ну-ка, – прикрикнул он на мужчин. – Проверьте колесо.

Проверкой занялся Рассел, который склонился, чтобы убедиться в правильности суждения женщины.

– Будь я проклят, а ведь она права! – пробормотал он Лиаму, удивляясь, как это молодая леди с такими грудями может разбираться в устройстве колеса.

– Знаете, леди, у нас тут на перевале не валяются где попало лишние чеки. – Рассел посмотрел на нее, как будто ожидая немедленного решения и этого затруднения.

– Теперь, когда мы знаем, в чем проблема, – Лиам произнес ровным, уверенным голосом, – я бы попросил вас еще раз подумать и сесть со мной на лошадь, чтобы проехать жалкие пять миль до Рейвенкрофт-Кип.

Теперь он уже не совсем понимал, почему так хочет, чтобы она села на его лошадь, но он страстно желал, чтобы она перестала высовываться из окна и спряталась подальше от жадных глаз его людей.

Выражение лица женщины посветлело.

– В этом нет нужды. – Она обратилась к Расселу, так как его круглое веснушчатое лицо, красные щеки и постоянно добродушное выражение казались ей самыми симпатичными. – Разве нельзя снять чеку с одного из оставшихся колес, поскольку на каждом есть по две чеки? Эти жалкие пять миль они продержатся и на одной, а уже на месте можно будет сделать и более тщательный ремонт.

Наконец она вытащила руку из окна, и ее тело отодвинулось вглубь экипажа. Теперь Лиам не знал, благодарить ли ему бога или проклинать.

Рассел подумал и произнес:

– Нам нужно что-то, чем можно было бы ее закрепить. – Он задумчиво потрепал свою рыжую бороду и подмигнул женщине. – Хоть мы тут все молодцы, но закрепить чеку голыми руками не можем.

– У меня есть сумка с инструментами, – подал голос Кевин, сын Томаса Кэмпбелла, спешился и потянулся к своей седельной сумке.

Лиам остановил его жестом.

– Будет проще доставить вас в Рейвенкрофт, а потом починить экипаж, не отягощенный лишним весом, – произнес он.

Дама от возмущения даже задохнулась, а все женатые мужчины предупреждающе хмыкнули.

– Я имею в виду проклятые чемоданы, нагруженные на крышу коляски.

Казалось, его знаменитый вспыльчивый нрав начал проявлять себя. Лиам указал на своего коня Магнуса и протянул женщине руку, как будто стенки экипажа их не разделяли.

– Будьте любезны, леди!

Она разглядывала его протянутую руку с таким вниманием, что Лиам тоже посмотрел, все ли с ней в порядке. Просто рука, и ничего больше. Вся в мозолях, квадратная, немного поцарапанная, но ничего необычного, разве только размер. Но тут уж ничего нельзя поделать. Рука не походила на изящную руку маркиза, и они оба это знали.

– Не могу... Я боюсь!

Лиам напряженно разглядывал ее в течение минуты, и никто даже не пошевелился в ожидании его реакции. Поначалу ему показалось, что эти слова «не могу, я боюсь» означают вежливый отказ. Но, подумав, решил, что они значат нечто совсем другое, просто признание, что она действительно боится.

Комок раздражения в его груди немного растаял, и на его месте возникло нечто другое, возможно, разочарование. Ему и прежде доводилось видеть подобное выражение в женских глазах: одновременно неуверенность, подозрительность и стремление успокоить собеседника. У его матери было такое выражение лица, когда она говорила с отцом.

Лиам снова посмотрел на свои руки. Может, она увидела кровь, их когда-то обагрившую? Или почувствовала жестокость, живущую в его черной душе? Возможно, она поняла, какие порочные, грешные стремления бродят сейчас в его теле? Она права, что его боится.

– За дело, ребята! – Лиам вздохнул поглубже, взялся за колесную ось и поднял самую тяжелую часть экипажа, чтобы кто-нибудь другой поставил колесо на место.

Он чувствовал ее взгляд все время, пока они поднимали и чинили коляску, сам не понимая, отчего это так его волнует. Но то, что она видела, как он кряхтит под тяжестью и потеет, его чертовски возбуждало.

Лиам не позволил себе взглянуть на женщину, даже когда они все завершили, вскочил на коня Магнуса и послал его в галоп, оставив своих людей и распорядившись, чтобы они доставили экипаж до Рейвенкрофта. Лиам хотел принять ванну и переодеться, чтобы наконец она встретила настоящего маркиза.

Глава 3

Дождь придавал красным кирпичам Рейвенкрофт-Кип глубокий, но печальный оттенок. Филомене он понравился с первого взгляда, потому что, как бы сказал ее отец, его крыша была явно перенаселена трубами. Она насчитала их четырнадцать и еще четыре башни, когда ее экипаж прогрохотал по древнему каменному мосту через изумрудное озеро.

Архитектура начала семнадцатого века изменила облик оборонительных крепостных валов и башни, которая была возведена еще во времена Роберта Брюса. В доме были необычно большие окна для такого величественного каменного сооружения, и Филомена подумала, что, когда появляется солнце, из них открывается вид на сверкающее море и скалы внизу. Она еще раз начала считать трубы на крыше, когда экипаж обогнул фонтан перед зданием, но тут крыша скрылась из вида.

Филомена понимала, что замок должен быть большим, на то он и замок. Но в этом здании должно быть не меньше ста комнат, а может, и больше.

Филомена закрыла глаза и молча поблагодарила Блэквеллов за то, что послали ее сюда. В таком изолированном от мира месте она сможет вести тихую и уединенную жизнь, о которой мечтала в Белль-Глен. Она надеялась, что эпизод со сломанным экипажем станет единственным неприятным сюрпризом этого дня, особенно если ей удастся избежать еще одной встречи со страшным горцем, с которым пришлось столкнуться на дороге. Тогда все будет хорошо.

Его люди были вполне любезны, один из них даже сел на козлы, чтобы доставить экипаж до Рейвенкрофта. Однако внешний вид ужасного горца очень ее взволновал, тем более что сердце еще сильно билось из-за бешеной скачки по дороге. Что же в облике этого свирепого человека так ужаснуло Филомену? Ведь до сих пор только так называемые цивилизованные люди заставляли ее страдать.

Ее до крайности изумила могучая телесная сила горца, когда он вместе со своими людьми приподнял экипаж. Должно быть, мощь таилась в его огромном размере, высоченном росте, широких плечах и невероятной выпуклой груди, хотя, возможно, она выглядела такой благодаря накидке.

Филомена помнила Дориана Блэквелла – он был крупным и мускулистым мужчиной. Ширина плеч Кристофера Арджента была такой, что он проходил не во все двери. Во всем Лондоне не найдешь такого силача, как Арджент. Но, кажется, такого силача, каким был горец, ей еще не доводилось встречать. Она никогда не видела такого огромного, но прекрасно сложенного человека. Его килт не столько скрывал, сколько обнажал бедра, похожие на стволы деревьев, когда он поднимал ее экипаж. На шее напряглись жилы, челюсть окаменела – и это было так красиво! Филомена невольно представляла то, что пряталось под толстой накидкой, и это ее волновало.

Господи боже! Она не могла отвести от него глаз. Когда он ускакал и скрылся в тумане, она испытала такое чувство, будто в лесу встретила необычное дикое существо, которое кинулось бежать от нее и скрылось в темноте. Возникло чувство разочарования, оттого что такая встреча – случай редкий и никогда не повторится вновь. Но она решила, что это к лучшему. Кто знает, на что способен такой человек?

Филомена уже немного пришла в себя, когда экипаж проехал мимо главного входа в замок, куда вела широкая торжественная лестница, и, объехав ее, направился к большому, но более скромному входу в задней части здания. Это вход для прислуги. Все правильно. Сейчас пришло время помнить, что она не та, кем была прежде.

Филомена глубоко вздохнула, но тут же ахнула, потому что неожиданно перед ней возник человек в яркой одежде, танцующим шагом спустившийся к ней по лестнице. Он широким жестом распахнул перед ней дверцу экипажа и открыл большой зонт, чтобы укрыть от дождя.

– Мисс Филомена Локхарт? – и прежде чем она успела ответить, он схватил с колен ее единственный саквояж, причем этот жест был исполнен изящества. – Меня зовут Раджаникант Даянанд, я – слуга лэрда Лиама Маккензи, маркиза Рейвенкрофта. Меня послали к вам, чтобы забрать вас и проводить в замок.

Слово «впечатляющий» подходило этому худощавому молодому человеку и его одежде как нельзя лучше. Из-под малинового шервани блестела шелковая рубашка-куртка ярко-оранжевого цвета с золотом. Словом «шервани», вспомнила Филомена, называется богато вышитое длинное мужское пальто, которое любят носить индусы. Ноги у Раджаниканта были обмотаны в темно-коричневый шелк того же цвета, что и шарф, укутывающий шею.

Филомена оперлась на его руку и нырнула под зонт, чтобы вместе с провожатым подняться по ступеням и оказаться в небольшом помещении рядом с кухней, которое служило раздевалкой.

– Благодарю вас, мистер Даянанд, – и она стряхнула со своей шерстяной ротонды капли дождя, в то время как индус складывал зонт и ставил его в подставку.

– Все зовут меня Джани, – улыбнулся он, и его глаза засверкали.

Благодаря невероятно яркой одежде трудно было определить настоящий возраст Джани. Ему могло быть и пятнадцать, и двадцать пять, потому что его кожа была темной и очень гладкой.

– Что же, пусть будет Джани. – Филомена протянула ему руку. – А я...

– Вы Филомена Локхарт, я знаю. Мы очень вас ждали. – Он широким жестом указал на столпившихся около кухни и во всех дверях слуг, смотревших на нее в молчании.

Группа служанок собралась вокруг стола, накрытого для чая, а девчонка, помогающая на кухне собирать посуду для ужина, так и замерла с открытым ртом. Несколько лакеев и рабочих сидели на грубо сколоченных стульях вокруг стола, их крупные руки сжимали кружки с элем. Они солидно разговаривали с толстым поваром, поворачивавшим большой вертел, на котором жарилась какая-то крупная птица. Все они выглядели грязными, усталыми и глядели на нее осоловело.

– Здравствуйтесь, – вежливо произнесла Филомена, хотя сердце у нее билось прямо в горле, и сделала небольшой реверанс.

Неожиданно она ощутила чувство вины за то, что совсем не знала своих слуг. Хотя в доме мужа подобную фамильярность не потерпели бы. Она была там полностью изолирована, даже от сочувствия прислуги.

Мужчины вокруг стола коротко кивнули в ответ и пробормотали что-то вроде «Здрво!».

В надежде, что это было местное приветствие, она ответила:

– Приятно познакомиться!

– Англичанка, – пробормотал толстый повар с заметным французским акцентом так громко, что все услышали. – Эх!

– Это Жан-Пьер, наш всегда сердитый повар, – сообщил ей Джани.

Но в такой ситуации Филомена знала, что нужно делать:

– *Votre canard sent la perfection. Je peux seulement espérer goûter quelque chose de si délicieux pendant mon séjour*¹.

Все тут же посмотрели на повара, у которого лицо расплылось в улыбке.

– Мадам прекрасно говорит по-французски. Я приготовлю вам сегодня вечером особый десерт. Пожалуйста, скажите, что вы предпочитаете вино, а не то пойло, которую эти луддиты называют скотчем и пьют как воду. – Повар даже плюнул на пол.

¹ Ваша утка восхитительно пахнет. Надеюсь, мне доведется отведать несколько вкуснейших ее кусочков во время моего пребывания в замке (*франц.*).

– По правде говоря, я отдаю предпочтение винам Прованса. – Филомена одарила повара сияющей улыбкой через густую вуаль, хотя прекрасно знала, что это так называемое пойло продается по всему миру и стоит дороже золота.

– Тогда добро пожаловать в Рейвенкрофт, мадмуазель!

– Мерси!

– Пойдемте, мисс Филомена Локхарт! – Джани схватил ее за руку и энергично потянул за собой через огромные кухни. – Скоро подадут обед, и маркиз пожелал, чтобы вы на нем присутствовали. Нужно торопиться, иначе вы не успеете переодеться.

Филомена еще не вышла из кухни, когда там раздался гвалт. Она не понимала ни слова, потому что говорили на гэльском, так как слуги думали, что вряд ли воспитанная англичанка знает их язык.

– Вы им понравились, – сказал Джани, ведя ее через узкий коридор, где были комнаты прислуги.

– Откуда вы знаете? – Филомена нахмурилась, ведь помимо приятного впечатления, которое она произвела на Жан-Пьера, остальные приняли ее довольно прохладно.

– Не вините их! С утра на полях возник пожар. Это просто божья милость, что началась гроза, иначе погибли бы все озимые посевы. Они еще приходят в себя после пережитого страха и волнения.

– Боже мой! – воскликнула Филомена. – Это действительно ужасно! Надеюсь, никто не пострадал?

– Нет, нам повезло. Из-за этого пожара вас не смогли встретить на станции, только кучер. Я знаю, что маркиз сам намеревался встретить вас, и думаю, теперь он будет сожалеть, что не смог.

– Почему вы так думаете? – спросила Филомена.

– Потому что, мисс Филомена Локхарт, мы все ждали, что приедет пожилая и толстая дама, а вы молодая и красивая.

– Я не очень молодая и, конечно, не красивая.

Филомена вспомнила, сколько раз ей говорили, что она слишком толстая. Он просто льстец, этот Джани. Ей он очень понравился.

– Вы можете звать меня просто Мена.

Джани покачал головой:

– Вы настоящая английская леди, и я должен обращаться к вам как положено!

– Тогда мисс Мена.

Джани, не останавливаясь, через плечо сверкнул улыбкой и кивнул:

– Мисс Мена. Я думаю, маркизу вы тоже понравитесь.

Филомена потрогала поврежденную губу. Конечно, она на это тоже надеется, потому что маркиз Рейвенкрофт, или, как его называют, Демон-горец, был ее единственным шансом спрятаться.

Лиам невольно заглядывал в темное пространство за дверями столовой. Он был очень голоден и зол. Прошло уже три минуты, и все, сидящие за столом, молча ждали, когда появится последняя гостья, мисс Филомена Локхарт, новая английская гувернантка. Разве можно придумать имя более британское, чем Филомена? Такое имя должно принадлежать остроносой старой деве, говорящей в нос и постоянно неодобрительно хмурящей лоб.

Но тут явилась полногрудая девица с изумрудными глазами, которая очаровала при встрече всех его людей. Смутный намек на ее красоту он разглядел через залитое дождем окно экипажа и через черную вуаль ее шляпы. Все время, что Лиам посвятил мытью и переодеванию, он перебирал в памяти эти несколько мгновений, стараясь восстановить в памяти ее таинственные черты.

Между тем ему следовало думать о сегодняшнем пожаре. Надо было понять, почему срезало чеку на колесе экипажа: ее срезало так чисто, что приходила мысль о преднамеренной порче. То есть ему было о чем подумать, вместо того чтобы вспоминать о прекрасной груди мисс Филомены Локхарт.

Лиам явился в столовую в расстройстве, и тут его настроение испортилось окончательно.

Быстрый стук женских каблучков на каменном полу коридора вторил быстрому стуку его сердца. Лиам вскочил на ноги так быстро, что его стул произвел ужасный скребущий звук. В это мгновение женщина влетела в столовую, поражая взгляд разлетевшимися кудрями и потрясающим декольте.

– Прошу простить меня за опоздание, – запыхалась она, и все присутствующие за столом встали ей навстречу. – Рейвенкрофт, несмотря на то что выглядит прямоугольным в плане, оказался настоящим лабиринтом, и я безнадежно заблудилась...

Слова замерли у нее на губах, когда она увидела *его* во главе стола. В этот момент Лиам почувствовал самодовольное удовлетворение, так как приложил немало усилий, чтобы привести в порядок свою внешность в ожидании появления на ее лице именно этого выражения. Он даже собрал свои черные волосы в косу и побрился второй раз, чтобы убрать выросшую за день щетину.

Тем не менее Лиам чувствовал себя за этим столом не хозяином, а самозванцем, хотя не ожидал от себя такого. Хотя что в этом удивительного? Он еще не привык к этой роли. Лиам был солдатом, вожакom. Он был убийцей и чудовищем. Но отнюдь не джентльменом и не благородным аристократом.

Благородным аристократом? А ведь он намеревался наказать ее публично за то, что подвергла сомнению его слова и принадлежность к аристократии в присутствии его людей. За то, что отняла у него драгоценное время во время тушения пожара на полях. За то, что заставила его ждать во время обеда.

А еще за то, что занимала его мысли весь вечер. Но, возможно, она спровоцировала его на вспышку гнева, потому что вслух высказала сомнения, терзавшие Лиама, в том, что он может перестать быть чудовищем и превратиться в настоящего лэрда.

Он так ждал, что в ее глазах появится выражение изумления и паники. Но сейчас стало ясно, что все то, что он намеревался сказать или сделать, придется отложить, ибо он в эту минуту забыл обо всем.

И в этом тоже была ее вина. Вся вина за его растерянность ложилась на ее плечи, на ее прекрасные *обнаженные* плечи. Лиам вцепился в край стола, чтобы устоять на ногах. То, что он представлял себе под густой вуалью и толстой шерстяной ротондой, не шло ни в какое сравнение с мисс Филоменой Локхарт, которая теперь перед ним предстала.

Ее простое платье для званого обеда было сшито из скромного зеленого шелка, на нем почти не было украшений, кроме черной узорчатой тесьмы, нашитой на лиф, и кружев на подоле. Но на такой фигуре, как ее, любое платье становилось необыкновенно соблазнительным. Удивительное мастерство портнихи добилось того, что тесьма подчеркивала пышные полупрозрачные рукава, обнажавшие плечи, а длинные черные перчатки доходили почти до самых рукавов. Простая шелковая лента цвета оникса, окружавшая прелестную шею, была ее единственным украшением. Лиам нехотя признал, что ей не нужно никаких украшений. Она хороша сама по себе.

Лиам был уверен, что ее портниха непременно будет в аду за то, что пробудила в нем греховные мысли и заставила их раскаленной лавой наполнить его тело. Порочные пальцы, изготовившие это платье, прекрасно знали, что станет с любым мужчиной, когда тот увидит *эту* женщину в *этом* платье. Оно полностью соответствовало всем требованиям приличия, но каждый, кто знал Филомену Локхарт, понимал, что женщину с такой грудью нужно одевать в платье, застегнутое до шеи. Это проклятое платье было создано, чтобы заставить его страдать.

Лиам почувствовал приступ страшного голода, и обильная слюна заполнила рот. Филомена Локхарт выглядела восхитительно: полные губы похожи на спелую землянику, роскошная белая грудь – на взбитые девонширские сливки. Пышные волосы откинута назад, и только несколько прядей падают на плечи, как гранатовое каберне.

Его глаза были прикованы к невероятно полным бедрам, к белой коже, стиснутой между рукавами и перчатками. Рука Лиам так плотно схватила дубовый стол, что даже косточки побелели. Но стол был твердым, а ее кожа такой мягкой, если сжать ее руками...

– Он не похож на того пожилого человека, которого вы ожидали здесь встретить, барышня, не правда ли? – Рассел, усмехаясь, прервал молчание.

Лиам посмотрел направо и впервые заметил, что его немолодой управляющий тоже позаботился о своей внешности и даже подстриг рыжую бороду, чего обычно не делал всю зиму до весны.

К счастью, Лиам понял, что никто не заметил его волнение, потому что все смотрели на гувернантку. Кроме, пожалуй, ее самой.

– Признаюсь, я не знаю, что сказать! – Ее грудь волновалась, и она явно готовилась долго извиняться, поэтому он не дал ей закончить.

– Позвольте мне представить вам моих детей, мисс Локхарт. Это Рианна и Эндрю Маккензи.

Дети унаследовали от него иссиня-черные волосы, но их реакция на представление была совсем разной и совершенно неприемлемой.

– Что это случилось у вас с губой? – спросила Рианна. Ее шоколадные глаза на угловатом лице стали величиной с блюдца. – Вы носите косметику? Покупаете ее в Париже? Я слышала, что такую косметику носят только актрисы и проститутки.

– *Haud yer Wheerst, Rianna*, – скомандовал Лиам, и за это получил от дочери разъяренный взгляд, хотя ей пришлось покориться.

Она совсем не умеет себя вести и никого не уважает, пришлось со стыдом признать Лиаму. В армии он за такое неуважение бил тростью или даже стрелял. После такого выступления дочери Лиам не знал, что делать. Даже в гневе он никогда не поднимал руку на детей. Слишком много такого творилось в этом доме раньше, и Лиам не хотел походить на отца.

– Вы сами видите, мисс Локхарт, как нам нужен ваш опыт. Рианна должна извиниться за свое своеволие.

Все затаили дыхание в ожидании, как бы Рианна не закатила одну из своих знаменитых истерик, но та только выпятила нижнюю губу и пробормотала, не поднимая глаз:

– Вот еще!

Перчатка мисс Локхарт прижалась к ее губе и задержалась там ненадолго. После нескольких секунд растерянности она одарила дочь Лиам нежной улыбкой.

– Мне всегда нравились люди с пытливым умом. Мне кажется, сейчас самое подходящее время объяснить, что неделю назад я попала в дорожное происшествие и получила несколько ссадин и синяков. А косметика – это просто уступка моему тщеславию, я так хотела произвести на вас хорошее впечатление.

Ее голос так напоминал теплый мед, сладкий и тягучий, что Лиам позволил ему окутать его немного дольше, чем нужно.

– Дорожное происшествие? – повторил он, цепляясь за остатки благоразумия. – Что-то часто с вами случаются такие происшествия.

Этот комментарий шокировал ее больше, чем он рассчитывал.

– Да, пожалуй. – Она беспомощно взглянула на него, не зная, что сказать.

– Мы рады, что в этот раз вы не ушиблись, – сказал Рассел, улыбнувшись барышне самой своей обаятельной улыбкой.

– Спасибо, мистер Маккензи. – В уголках ее рта появились ямочки, и это отвлекло Лиам от того, что он только что собирался сказать.

К счастью, мисс Локхарт не нуждалась в подсказках:

– Мне приятно было с вами познакомиться, Рианна и Эндрю. Я с нетерпением ждала нашей встречи.

Эндрю повел себя в полном соответствии с приличиями: пробормотал «Я тоже!» и не произнес больше ни слова, но стоял там, где должен был стоять, и поклонился так, как положено, чтобы не привлекать лишней раз внимание отца.

– Вы одеты лучше, чем все гувернантки, которые у меня были, – бесхитростно заметила Рианна. – Это последняя лондонская мода?

– Да. – Грудь мисс Локхарт подозрительно покраснела. – Но у вас будет еще более красивое приданое, когда вы повзрослеете.

– Для большинства я уже вполне взрослая, – вспыхнула Рианна. – Отец заставляет меня ждать еще год, и к тому времени я стану старой девой.

Мисс Локхарт улыбнулась снова, но Лиам заметил, что в ее глазах мелькнула грусть.

– Не слишком торопитесь выходить замуж, дорогая, – сказала она, но тут же опомнилась. – Дайте мне немного времени, и вы будете украшением следующего сезона, клянусь вам!

Рианна скептически оглядела свою новую гувернантку, но потом кивнула.

– Прошу вас, садитесь, мисс Локхарт. Суп стынет. – Лиам указал на место рядом с Рианной, стараясь не замечать, как двигаются широкие бедра гувернантки, когда она идет.

Эта женщина двигалась не той скользящей походкой, как другие леди. Она плыла, и каждое движение ее ноги передавалось ее пышному телу. Поворот бедра, движение руки и легкое колебание нежной кожи в декольте.

Скрипнув зубами, Лиам тоже сел.

– У нас тут в доме военный порядок, мисс Локхарт. В будущем обед начнется ровно в восемь часов вечера.

– Да, сэр. – Рыжие ресницы опустились под его неодобрительным взглядом.

Лиам почувствовал, как его пронзило чувство раскаяния за сказанное.

Джани пододвинул для Филомены стул, и она грациозно на него опустилась. Лиам углубился в свой суп в тот момент, когда его подали, чтобы только на нее не смотреть.

Обед считался деловой трапезой, поэтому обычно его поглощали в молчании. Только иногда Лиам и Рассел коротко обсуждали хозяйственные вопросы, при этом все остальные помалкивали. Поэтому когда мисс Локхарт нарушила молчание, все обменялись взглядами от неловкости.

– Рианна, вы позволите мне показать вам, как лондонские дамы едят суп? Ведь в мои обязанности входит научить вас хорошим манерам.

Рианна перестала шумно хлебать и бросила рассерженный взгляд на новую гувернантку. Лиам видел, что его дочь очень хочет узнать, как настоящие дамы едят суп, но ненавидит, когда ее поучают. У девочки трудный характер. Она с пренебрежением относится к авторитетам, но очень страдает оттого, что не понимает, как себя нужно вести, и постоянно нарушает правила.

– Попробуйте, – ответила Рианна настороженно.

Все стали внимательно наблюдать, как мисс Локхарт деликатно взяла суповую ложку и окунула ее в тарелку с картофельно-луковым супом.

– Набирайте суп, двигая ложку от себя, а не к себе, медленно подносите ее ко рту и не наклоняйтесь над тарелкой. Очень важно беззвучно, мелкими глотками есть суп, а не хлебать его.

Лиам невольно смотрел на ее губы, когда она осторожно проглотила свой суп и опустила ложку в тарелку. Она ела так же, как делала все остальное, – спокойно и элегантно. Неужели она действительно не понимает, как обольстительна, или притворяется?

– Попробуйте сделать, как я, – продолжала гувернантка.

Рианна повторила ее движения довольно точно, но в конце присутствующие, замершие в ожидании, услышали хлопающий звук.

– Просто поднесите ложку к губам и не старайтесь втянуть с нее все содержимое, – поправила мисс Лохарт. – Вот так.

Она снова изящно подняла ложку, но не успела донести ее до рта, как ее рука дрогнула, и половина содержимого вылилась на белую кожу груди.

Все замерли, а кожа на груди Филомены снова порозовела от смущения. Рианна не смогла сдержать неприличный смешок и прижала руку ко рту. Плечи ее задрожали. Даже Эндрю закусил губу, чтобы не рассмеяться.

И тут гувернантка сама сначала улыбнулась, а потом из ее горла вырвался веселый смех. Теперь, почувствовав, что уже можно смеяться, Рианна залилась вовсю, к ней присоединился Эндрю, а затем и Рассел. Напряженность, царившая за столом, рассеялась, как неприятный запах.

Лиам подумал, что за этим столом давно не было слышно смеха, и не только за столом, в доме тоже. Но сам он не мог смеяться. Не потому что не хотел – ему было не до смеха.

Его поразила нежная кремовая текстура супа, такая белая и сливочная. Попад на грудь гувернантки, суп начал стекать прямо в ложбинку, но она успела схватить салфетку, лежащую на коленях. Промокнув кожу на груди, она, как все, радовалась веселью, воцарившемуся за столом.

В это время перед мысленным взором Лиам возникали сладострастные и порочные видения. Трудно поверить, что такие мысли пришли к нему в присутствии детей, но он ничего не мог с собой поделать. Он представлял, как теплая сливочная жидкость течет между этими роскошными грудями, и с трудом боролся с похотью, кипевшей в крови.

В действительности такие видения не имели ничего общего с этой женщиной. Виновата натура Маккензи – из-за нее рождались грубые, низкие желания. Сам дьявол нашептывает ему грешные, отвратительные мысли.

Филомена не знала, что именно стало причиной: вкусная еда, французское вино или мягкий свет свечей в канделябрах, но душивший ее железный обруч, стягивавший ребра, вдруг лопнул. Впервые за много месяцев она смогла вдохнуть полной грудью и почувствовать запах хрустящих летних яблок в вине Вувре, которое повар Жан-Пьер велел подать к столу для десертного суфле.

Она пригубила бокал с вином и внимательно через стекло посмотрела на маркиза, который обсуждал с Расселом Маккензи подозрительно возникший пожар на полях. После того как был убран со стола суп, он ни разу не обратил на нее внимания. Ей до сих пор не верилось, что свирепый горец, встреченный на дороге, превратился в этого маркиза. А ведь он говорил тогда правду. Хотя теперь горец нарядился в вечерний костюм с белым галстуком, побрился и убрал волосы назад в аккуратную косу, Филомена все равно ждала, что в любую минуту аристократическая внешность слетит с него как шелуха и появится суровый варвар, готовый разрубить ее на части своей шотландской саблей-клеймором.

Она взволнованно поставила бокал на стол. «Боже, он думает, что я – просто дура, если судить по моему поведению на дороге». Но маркиз не сказал об этом ни слова, и Филомена надеялась, что и в дальнейшем не скажет. Но, может быть, нужно, чтобы он сказал и у нее появилась бы возможность объясниться, оправдаться.

Филомена смотрела, как работали его лицевые мускулы, медленно пережевывая пищу. Лэрд внимательно слушал доклад своего управляющего. Только безнадежный глупец мог ожидать от такого человека, что он станет выслушивать оправдания. Он был не из тех, кто щедро раздает милости и никогда – прощение. И ей следует это помнить.

Его зовут Демон-горец, и он приходится *старшим* братом Черному сердцу из Бен-Мора. Такие прозвища нельзя получить в результате рождения или женитьбы, как титул маркиза или графа, его приобретают путем жестокости и кровопролития. Об этом легко забыть, когда сидишь в роскошном зале замка при свете канделябров, но вот отблеск огня в камине отразился в янтаре его глаз, и никакая богатая одежда уже не может скрыть свирепость его природы.

Вдруг Филомене показалось, что она нашла убежище в берлоге спящего медведя, и эта мысль тотчас отрезвила ее даже быстрее, чем требовали приличия. Когда обед завершился, она ласково пожелала детям спокойной ночи и, прощаясь, присела в реверансе перед Расселом и маркизом.

Рианна тоже попыталась сделать книксен, и Филомена заметила про себя, что и этим нужно будет заняться с девочкой. Эндрю ей просто кивнул и, пробормотав извинение, быстро удалился, не поднимая глаз от ковра на полу. Для своих тринадцати лет он был довольно высок и очень строен, хотя ноги и руки были крупноваты для его фигуры, и это значило, что впоследствии он станет таким же здоровяком, как отец.

Замкнутость мальчика огорчила Филомену, и она решила, что когда сможет наконец покинуть столовую, то перед сном подумает, как снискать его расположение, тем более что вряд ли она сможет быстро заснуть.

– Прошу, останьтесь на минуту, мисс Локхарт, я хочу с вами поговорить.

При звуке командного голоса Рейвенкрофта железный обруч снова сдавил легкие, из-за недостатка воздуха Филомена почувствовала слабость во всем теле. Повернувшись к маркизу, она постаралась, чтобы большой обеденный стол находился между ними.

– Да, сэр? – ответила она и увидела, что Рассел Маккензи начал отступать за дверь и вскоре исчез, оставив ее наедине с ужасным Демоном-горцем.

– Простите, я не знаток этикета, но разве хорошие манеры позволяют разговаривать через комнату?

Выражение его лица не выдавало никаких эмоций. Ни поднятой брови, ни улыбки, ни даже сердитого взгляда, он только внимательно наблюдал за ней, поэтому от страха и неуверенности в себе каждый волосок у нее на голове стал дыбом.

Лэрд практически потребовал, чтобы она приблизилась, и это прозвучало как вызов. Даже как соблазн.

– Нет, сэр, не позволяют.

Филомена вспомнила наставления Милли Ли Кер, подняла подбородок и заставила себя глядеть ему в глаза, для чего ей пришлось вспомнить все, что ей говорили о британской гордости и превосходстве, когда она приехала в Лондон в качестве виконтессы Бенчли.

В немигающих глазах лэрда отразилось пламя, которое ее обожгло, и на секунду Филомена поверила, что это демон глядит на нее из пропасти ада. Он смотрел на ее приближение тем самым огненным взором, каким дьявол озирает свое проклятое царство.

Чтобы справиться с этим ощущением, Филомена распрямила плечи, будто расправила ангельские крылья за спиной, и прошла все расстояние от одного конца стола до другого походкой королевской особы. Но постаралась, чтобы между ними оставался угол стола и стул с высокой спинкой. Она пыталась быть храброй, но без глупости.

Филомена очень жалела, что съела так много за обедом, потому что съеденное стало беспокойно шевелиться у нее в желудке, угрожая вырваться наружу. Тем не менее она не опускала глаз, хотя на это потребовались все ее силы, и даже больше.

Его глаза осматривали ее так, что Филомене хотелось прикрыться руками, чтобы он не понял, насколько беззащитной она чувствует себя в его присутствии.

– У нас не было возможности познакомиться официально, – заметил маркиз. – Должен сказать, мисс Локхарт, что вы не такая, как я ожидал.

Филомена попыталась изобразить вежливую улыбку и постаралась найти силы, чтобы сказать что-нибудь остроумное и приятное.

– Кажется, сэръ, обстоятельства нашего знакомства были неожиданными для нас обоих.

Она ведь действительно не ожидала, что он такой молодой, такой потрясающе мужественный – и такой греховно привлекательный. Но разве позволительно так думать?

Филомена хотела всего лишь сказать что-то остроумное, развеять напряжение, возникшее между ними, но поняла, что ее ответ ему не понравился.

– Да. – Маркиз не ответил на улыбку, и Филомена с трудом подавила в себе желание забиться в угол, как наказанное дитя.

В своей жизни она почти не встречала людей, которые заставляли ее чувствовать себя маленькой. Большинство мужчин были с ней либо одного роста, и она могла прямо смотреть им в глаза, либо она возвышалась над ними. Но Рейвенкрофт смотрел на нее сверху вниз, как на карлицу, и ей приходилось закидывать голову, чтобы встретить его суровый взгляд.

Перед ней стоял настоящий солдат, с безупречной выправкой, прямой и неуступчивый, руки за спиной, каждый волос на голове прилажен, каждая складка одежды на месте. Стоя так близко, Филомена увидела фамильное сходство между Лиамом Маккензи и Дорианом Блэквеллом. Те же густые черные волосы, те же черные беспокойные глаза, та же грубая, почти варварская структура костей. Такие же жесткие углы и широкие кости, и ни единой слабину. Но губы Блэквелла изгибались в сардонической ухмылке, а губы Рейвенкрофта были вытянуты в строгую прямую линию, по которой нельзя понять, что он думает. У Дориана был вид одинокого хищника, голодного и угрожающего. А для Рейвенкрофта еще не придумали клетки, в которую его можно было бы засадить. Целые нации падали к его ногам. Ему кланялись короли, перед ним унижались тираны.

Филомена подумала, могут ли такие губы смягчиться в улыбке, эти горячие, безжалостные глаза стать нежными?

– Я просил леди Нортуок прислать мне умную, опытную и образованную гувернантку, и она прислала вас, мисс Локхарт. Что вы думаете по этому поводу?

От этих слов Филомену охватила паника, хотя тон был нейтральным.

– Разве вы не получили посланные мной рекомендации? Уверю вас, сэръ, я вполне квалифицирована, чтобы обучить ваших детей хорошим манерам. Леди Нортуок сообщила мне, после чтения рекомендаций от Уайтхоллов...

– Ваши рекомендации безупречны. Но то, что необходимо моим детям, сильно отличается от требований Уайтхоллов, вы понимаете это? Уайтхоллы – купцы, торговцы. А я – маркиз, думаю, теперь вы в этом убедились.

– Маркиз, который выглядит как бунтарь-якобинец, – напомнила ему Филомена. – Прошу меня простить за то, что не поверила вам, но вы были покрыты грязью и пеплом от пожарища на полях, и я никогда прежде не встречала маркизов, которые помогали бы своим работникам физическим трудом.

Рейвенкрофт шагнул вперед, и Филомена отступила, прижав руку к животу, стараясь утихомирить волнение в желудке, где, казалось, бился рой бабочек.

– Я только хотела сказать...

– Есть люди, мисс Локхарт, которые считают, что дворянину необходимо следить за всем, что происходит в его владениях. Но есть и такие, которые находят в высшей степени странным, что приличная лондонская гувернантка знает так много об устройстве колес повозки.

Филомена вспомнила мудрый совет мисс Ли Кер о том, что ложь непременно должна содержать элемент правды.

– Мой отец был джентльменом и землевладельцем, который любил заниматься сельским хозяйством и был ученым человеком. Я многому у него научилась, когда была ребенком, поэтому...

– Вы хоть представляете, сколько мои люди и я сам потеряли времени, пытаюсь спасти вашу упрямую шкуру? Если бы вы разрешили мне отвезти вас на моей лошади, мы бы не потеряли столько светлого времени днем.

– Мне действительно жаль, что так вышло, – сказала Филомена вполне искренне. – Но я путешествовала в *одиночку*, и вы не можете ожидать...

– Чтобы обучать моих детей, вам нужно знать не только, как управлять фермой или как отвлекать мужчин от дела, наряжаясь в красивое платье, но и как им следует себя вести в приличном обществе, – прервал ее Рейвенкрофт.

– Тогда самым первым наставлением для них будет, что в обществе считается грубым и неприемлемым постоянно обрывать людей и не давать им договорить, – отрезала Филомена.

Господи! С трудом верилось, что это сказала она, такая одинокая и беззащитная. Вот так, стоя перед самым опасным воином во всей истории Британских островов! И это она только что указала ему на его плохие манеры! Неужели она сбежала из сумасшедшего дома специально для того, чтобы тронуться умом в этом доме?

– Ну так продолжайте, – скомандовал Рейвенкрофт, и в его голосе чувствовался нарастающий гнев, который отразился и на лице. – Надеюсь, вы хотите извиниться за то, что потратили мое время.

Филомена почувствовала, как раздулись ее ноздри, как внутри закипела желчь. Что это? Раздражение? Но ведь она думала, что не способна ни на гнев, ни на раздражение. Ее детство было полно нежности и любви, а во взрослой жизни над ней постоянно насмехались и унижали ее. Ей никогда не приходилось бороться с собственным раздражением и гневом. Но теперь это нужно сделать, иначе она потеряет возможность спрятаться от преследования.

Закрыв глаза, Филомена призвала на помощь всю свою учтивость, а также способность к послушанию, которая требовалась ей в течение всех лет жизни с жестоким и грубым мужем. Открыв рот, она было начала произносить свое продуманное извинение, когда маркиз прервал ее снова:

– Почему вы не замужем?

– Прошу прощения?

– Разве не лучше иметь мужа и собственных детей, а не учить хорошим манерам чужих, плохо воспитанных отпрысков? – Его глаза снова осмотрели ее с ног до головы, оставляя на теле дрожащий след. – Вы слишком молоды, чтобы служить авторитетом для моей дочери, ведь вы старше ее лет на десять, не больше.

– Я старше ее ровно на десять лет.

Он проигнорировал ответ, и уголки его рта побелели от напряжения, причина которого была непонятна Филомене.

– Будь вы шотландской барышней, примерно возраста Рианны, вас бы давно уволок в церковь какой-нибудь парень, чтобы сделать своей женой, не спрашивая, согласны вы или нет. Еще вероятнее, вас взяли бы в жены в библейском смысле этого слова, а вашему отцу швырнули положенные тридцать монет.

Филомена устала на него в изумлении, полуоткрыв рот. Казалось, он по-прежнему сердится, даже голос стал еще громче. Но при этом все выглядело так, будто маркиз сказал ей комплимент.

– Поэтому я удивляюсь, – продолжал он, – что делает в наших местах маленькая красавица-англичанка? Почему она не греет постель в покоях богатого мужа, не проводит время за чаем и светскими развлечениями и не воспитывает наследников?

Он назвал ее маленькой? Может, она ослышалась, или он имел в виду что-то другое? Неужели он сказал «красавица»? О ней?

Ее пронзила такая острая боль, что пропал весь гнев, а вместе с ним и храбрость. Неужели он хочет ее оскорбить? Неужели она покинула один дом, где так любили над ней издеваться, чтобы попасть в другой, такой же?

– Не вижу, каким образом это вас касается. – Она ненавидела свою слабость, свою трусость, которую неспособна была скрыть.

– Все, что происходит в стенах этого дома и на землях Маккензи, меня касается. Это включает и вас. Особенно теперь, когда вы будете оказывать влияние на моих детей.

Он сделал еще один шаг вперед, и Филомена не успела отступить. Маркиз протянул руку и взял ее за подбородок. Испуганный звук, который издала Филомена, удивил их обоих. Взгляд Рейвенкрофта стал острее, но подбородок из руки он не выпустил.

Нежный женский подбородок был хрупким, как стекло. Филомена понимала, что ему ничего не стоит его раздробить простым сжатием сильных и грубых пальцев. Глаза маркиза глядели прямо на ее губы, и они невольно раскрылись, издавая испуганные вздохи.

Рейвенкрофт наклонился к ней, сокрушая своей силой и близостью. Она видела его так близко, как видели его многие перед тем, как проститься с жизнью. Жесткие, почти нечеловеческие черты лица, закаленные десятилетиями суровой дисциплины и жестокости, и глаза, смотрящие так, будто измеряли ее, прежде чем уложить в гроб. Показалось, будто в огромной столовой свет от камина и свечей сменился тенью.

Филомена знала, что люди, подобные хозяину замка Рейвенкрофт-Кип, рождаются редко. А когда рождаются, то история превращает их либо в богов, либо в демонов.

Грубой подушечкой большого пальца он мягко, будто шепотом, провел по разбитой губе Филомены. Эту ласку она почувствовала всем телом. От нее по коже прошли дрожь и покалывание, которое добралось до самых глубин, где родилось мягкое тепло. Неужели он хочет ее поцеловать? Сердце в груди встрепенулось и замерло, а потом сделало прыжок и быстро заколотилось.

Рот маркиза тоже приоткрылся, глаза сузились, в них мелькнуло нечто вроде жара, а потом... подозрение. Рука на подбородке сделалась мягче, и он повернул ее лицо к свету канделябра, взял со стола чистую салфетку и аккуратно вытер пудру, которой она попыталась спрятать синяк под глазом.

– Скажите-ка мне, мисс Локхарт, – его голос стал напоминать тихий рокот, – что с вами действительно произошло.

– Я уже сказала. – Она буквально заставила себя не заскулить от страха по мере того, как он обнаруживал ее раны.

– Помню, дорожное происшествие, – сказал он ровным голосом.

– Да.

Его слова прозвучали скорее как вопрос, чем ответ, и Филомена в страхе закрыла глаза в ожидании, что он разоблачит ее обман, разоблачит ее игру. А что такой человек сделает с ней, с такой бессовестной обманщицей?

– Сэр? – Она поморщилась, услышав в своем голосе настоящую панику.

– Что? – пророкотал лэрд, с трудом отрывая взгляд от ее ран, особенно на губах.

Филомена и так была очень уязвима, а в его присутствии чувствовала себя особенно слабой и насквозь прозрачной. Лэрд может сделать с ней что захочет, и никто не потребует с него ответа. Что-то в его поведении подсказало ей, что и он прекрасно это понимает. Филомена находилась полностью в его власти, и в то же время она его обманывала.

– Позвольте мне... то есть... это неприлично...

Рука поднялась почти против ее воли и опустилась ему на плечо, когда Филомена попыталась освободить свой подбородок от его цепких пальцев. Рейвенкрофт внимательно и долго посмотрел на ее руку, лежащую на рукаве смокинга, с тем выражением, с каким смотрят на опасное насекомое. Потом, точно так же внезапно, как схватил, отпустил ее.

Отвернувшись от Филомены, маркиз сжал руки в кулаки и хрипло произнес:

– Скоро вы узнаете, мисс Локхарт, что мои манеры не похожи на деликатное обращение англичан.

Филомена не знала, что ответить, поэтому молча смотрела на его могучую спину, обтянутую смокингом.

– Вы здесь для того, чтобы учить моих детей, и оставьте всякую надежду исправить меня и превратить в джентльмена, я им не стану.

Когда он снова повернулся к ней, огонь в камине осветил несколько серебряных прядок в черных волосах.

– По рождению я благородный аристократ, но я неблагороден по природе. Думаю, нам лучше видеться как можно реже. Нам нет необходимости встречаться, кроме как за обедом или если я захочу узнать, как обучаются мои дети.

Филомена понимала, что маркиз сделал ей подарок, дал ей возможность действовать по своему усмотрению, если цель ее пребывания в замке будет выполнена. Именно этого она хотела более всего на свете.

– Да, сэр!

– Лэрд, – поправил он ее. – У вас, в Англии, я – маркиз Рейвенкрофт, а на моей земле я лэрд. Лэрд Маккензи.

Он забыл упомянуть, что его зовут Демон-горец, но она об этом помнила, потому что, увидев дьявольский огонь в его глазах, забыть это невозможно.

– Конечно, лэрд Маккензи. – Филомена сделала реверанс, чтобы только не поднимать на него глаз.

Маркиз кивнул. Огонь камина отбрасывал тени на его резкие черты.

– Можете идти!

Она ушла из столовой, как только получила разрешение, и пустилась бежать, едва оказалась в коридоре. Богато расшитые гобелены на стенах слились для нее в неразличимую смесь синих, зеленых и золотых тонов – так быстро она бежала. Филомена оглянулась: из-за стремительного движения тени у нее за спиной сгустились. Но ей показалось, что в глубине мелькнуло что-то или кто-то и исчезло.

Филомена шла, не сбавляя темпа, пока не добралась до знакомой двери своей комнаты. К ее удивлению, ей отвели покои на втором этаже западного крыла, где жили члены семьи, а не на первом этаже под лестницей, где обитала прислуга. Она решила, что это сделано для того, чтобы дети были ближе к ней.

Ворвавшись в комнату, Филомена захлопнула дверь и повернула ключ в замке, чтобы надежно запереться. Она прислонилась к дубовой двери, прижавшись к ней щекой, и вскоре ее согрело тепло, идущее от камина, где кто-то разжег для нее огонь.

Пока Филомена стояла у двери, она усилием воли заставила сердце успокоиться, легкие – дышать спокойно, а себя – перестать дрожать. Она невольно потрогала щеку, которая все еще ощущала твердое прикосновение мужественной руки. Для такого великана, обладающего невероятной силой, он обращался с ней удивительно нежно. А ведь она успела забыть, что такое бывает.

Оторвавшись от двери, Филомена на подкашивающихся ногах пошла в спальню. Раньше она слишком торопилась, чтобы переодеться и вовремя успеть к обеду, и не успела рассмотреть свои покои как следует. Филомена провела рукой по гладко отполированному дереву туалетного столика и рабочего стола. Казалось, их изготовила умелая рука того же краснодеревщика, который создал из красного дерева ее кровать с балдахином. Она потрогала матрас на кровати и приятно удивилась его мягкой упругости. Холодные стены оживляли зеленые, синие и шоколадные цвета драпировок.

В этом доме явно чувствовалось отсутствие женской руки, вокруг царили цвета клана Маккензи. Но Филомене даже нравилось это готическое окружение. Здесь многие века обитали члены семейства Маккензи из Уэстер-Росс. Эти камни видели рождение наследников, гибель бунтовщиков и смену не одного монарха. Кое-кто скажет, что теперь это английский замок, где живет английский лорд. Глупые люди, они ошибаются!

Лэрд Лиам Маккензи был горцем до мозга костей. Его люди жили на этой земле задолго до англичан. Даже задолго до шотландцев. В нем течет кровь не только варваров-пиктов, но и разбойников-викингов.

Служанка приготовила для Филомены постель, накрыла ее покрывалом с тартаном клана Маккензи и взбила зеленые с золотом подушки. Может быть, милый Джани прав и есть надежда, что они примут ее как свою... что ей будет здесь хорошо. По крайней мере, ее примут те, кто здесь работает, но не хозяин.

Филомена постаралась выкинуть лэрда из головы и сравнила эту небольшую, простую комнату с теми покоями, что были у нее в Бенчли-Корт. Там она была хозяйкой в течение пяти ужасных лет и ненавидела каждую секунду пребывания в том доме. Муж настоял, чтобы она позволила его матери, леди Эстер Сент-Винсент, украсить их жилье. Поэтому в комнатах Филомены была плетеная мебель с лавандовой обивкой, украшенная розовыми кружевами. Как же она все это ненавидела!

Но даже Бенчли-Корт не шел ни в какое сравнение с белыми стенами клиники Белль-Глен. Чистыми, холодными, стерильными, как сам ад, где царили несчастье и беззащитность. В тяжелые годы, которые она прожила с мужем, она никогда не подозревала, что существует такое полное одиночество, какое окружило ее в Белль-Глен. Она не знала, что в душе каждого человека есть глубокая темная бездна, в которую можно падать много месяцев, пока не достигнешь дна. Там человека ожидает только безумие.

С тех пор как она покинула клинику Белль-Глен, она никогда ее не вспоминала. Не позволяла себе думать о том, что ее спасли от полного отчаяния. Что появившись Дориан Блэквелл буквально несколькими минутами позже, ее бы изнасиловали.

Нет! Филомена рванула шелковую ленту на шее, потому что неожиданно она стала ее душить. Нельзя позволять себе это вспоминать. Нельзя скорбеть. Нельзя думать о том, что было или что могло быть. Она будет работать, будет все время занята, и это единственный способ справиться и забыть.

Филомена вспомнила, что видела шкаф, который был размещен в небольшой круглой башне рядом с камином. Наверное, нужно распаковать вещи. Или лучше подготовить план работы с детьми на завтра, а разобрать чемодан можно и потом. Думая о том, что поместить в шкаф, она вошла в маленькую круглую башню. И замерла.

Внутри нее что-то сжалось, когда она увидела, что было расположено в середине этой комнаты и ожидало ее появления. Сердце сильно забилося, она почувствовала, как сморщилось ее лицо. Она помимо воли сделала несколько шагов и приблизилась к тому, что могло стать ее кошмаром.

Может, все это ей только приснилось? И ее спаситель, смельчак Черное сердце из Бен-Мора, и Фара, и Милли? Новая одежда и новая жизнь? Ее шанс на спасение? Что, если в этой большой ванне, такой белой, блестящей и чистой, нет ничего... кроме льда?

Филомена скрипнула зубами и не стала обращать внимания на одинокую слезу, выкатившуюся из глаз и мешающую ей видеть. Она стянула с руки перчатку и посмотрела на свои белые бескровные пальцы. Потом осторожно протянула дрожащую руку к воде и погрузила ее в ванну.

Она громко всхлипнула, потом еще раз. Наконец, ноги больше не стали ее держать и она сползла на пол. Вместе с хриплыми, отрывистыми рыданиями из горла вырывалось ее горе, ярость и ужас, ведь за последние дни она научилась быть сильной и храброй.

А ванна оказалась вполне реальной и очень, очень теплой.

Глава 4

– Раз, два, три. Раз, два, три... Ой! – Филомена отпрыгнула, спасая ногу из-под каблука Рианны. Опять!

– О, мисс Локхарт, пожалуйста, извините! – воскликнула девочка, следуя за Филоменой, которая заковыляла и шлепнулась на мягкий диван около окна в большой солнечной комнате. – Я безнадежна, вальс у меня совсем не получается. Мне кажется, я никогда не научусь двигаться в танце вперед спиной.

– Все в порядке. – Филомена стала успокаивать девочку, баюкая свою ноющую ногу. – Научиться вальсировать непросто.

Она специально выбрала эту комнату для уроков танца. Большие окна и стеклянные двери открывались на балкон, глядящий на море, а на мягком ковре стояло красивое фортепиано. Та комната, в которой раньше была детская, а потом классная, была довольно мрачной, и Филомена придумала план, чтобы перенести занятия в более подходящее помещение.

День начался с классической литературы и начальных занятий по французскому, но вскоре Филомена нашла у Эндрю дешевый приключенческий роман, спрятанный под томиком Джонатана Свифта, а затем, послушав, как варварски дети корежат язык любви, превращая его в нечто безобразное, она решила, что урок музыки и танцев поможет им отвлечься. Ей казалось, что после танцев голова лучше работает, будто музыка и ритм открывают какие-то пути, которые без них не отыскать.

К сожалению, в случае детей Маккензи этот прием не сработал. Рианна оказалась старательной ученицей, хотя и не очень способной. Эндрю относился к Филомене вполне серьезно, но с долей презрения. Он был талантливым музыкантом-пианистом, играл легко и технично.

Филомена вскоре поняла, что в течение последних лет у них сменилось несколько учителей и гувернанток. Они обучили детей основам чтения, письма, арифметики и истории. Но по мере того как они росли, гувернантки от них быстро уходили. Поэтому молодые Маккензи практически ничего не знали о том, как заниматься хозяйством; о хорошем вкусе, этикете; о том, как вести светский разговор; не знали французского, не имели представления о теории музыки и общественных науках.

В конце концов, она была виконтессой и дочерью джентльмена, освоила все, что написано и сказано о британском социальном устройстве, поэтому могла их обучить лучше многих. Филомена была твердо намерена добиться успеха, и не только потому, что ей нужна была эта работа, чтобы скрывать свои тайны. Детям Маккензи совершенно необходимы были те знания, которыми она владела. Их отец тоже это понимал.

– Эндрю, прошу вас, – попросила она. – Почему бы вам не потанцевать с сестрой, пока я играю на фортепиано. Мне нужна передышка.

– Я не танцую, – ответил мальчик, изучая внимательно свои пальцы, лежащие на клавиатуре.

– Это не важно, – сказала Филомена ободряюще. – Я вас научу, пока Рианна будет заниматься музыкой. Мы попробуем сначала медленно.

– Нет, я не сказал, что не умею танцевать. Я сказал, что не танцую.

Мальчик выдвинул вперед челюсть, а в глазах загорелись огоньки упрямства и бунта.

– Но как же вы будете производить приятное впечатление на молодых леди, если вы не умеете танцевать вальс?

– Я не желаю ни на кого производить впечатление, – сказал Эндрю резко.

Филомена посмотрела в окно. Ей так хотелось выйти и погреться на редком осеннем солнце, вместо того чтобы терпеть мрачное настроение Эндрю. На горизонте собирались тучи, но сейчас солнце сверкало на морской воде и освещало горные пики. После долгого пребывания

ния в Белль-Глен ей так хотелось почувствовать теплые лучи на лице, без помех побродить по лесу.

Но нет, она должна учить детей.

Филомена постаралась не сердиться, быть доброй и терпеливой, несмотря на то что нервы ее были уже на пределе. Она подошла к фортепиано и снова обратилась к мальчику.

– Прошу вас, – стала она уговаривать. – Признаюсь, я не очень хороша как партнер в танце, я не привыкла играть роль джентльмена. По отношению к вашей сестре это несправедливо.

– Вам следовало бы научиться, у вас и рост и фигура как у джентльмена, – пробормотал Эндрю, отодвигаясь от нее.

Филомена отдернула руку, потому что Эндрю вскочил со стула и кинулся к западному выходу из комнаты.

– Эндрю, не будь такой скотиной! – воскликнула Рианна ему вслед.

И тут на пороге появился Джани, неся в руках поднос с чайными чашками. Эндрю и Джани едва не столкнулись, и впечатление от драматического выхода было испорчено. Но это позволило Филомене прийти в себя после обидной вспышки мальчика. Эндрю фыркнул на оторопевшего Джани и попытался его обойти.

– Эндрю Маккензи. – Филомена произнесла отчетливо каждый слог имени, как это делал ее отец, когда она, бывало, вызывала его недовольство. Сказанное тихим голосом, такое произношение всегда приводило ее в чувство. – Если вы не хотите, чтобы я обсудила ваше поведение с вашим отцом сегодня после обеда, то извинитесь перед Джани за вашу поспешность, возьмите у него поднос и принесите сюда.

В комнате стало тихо, как в гробнице, – все ждали, что будет делать Эндрю. Обращаясь к остолбенелому Джани, мальчик пробормотал что-то похожее на извинение и взял из его рук поднос. Угроза обратиться к отцу оказалась действенной, хотя Филомена не хотела прибегать к подобному средству. Так нельзя установить доверие или дружеские отношения, но допустить подобное поведение она тоже не могла. Если оставить его незамеченным, то мальчик, подверженный подобным вспышкам, вырастет жестоким человеком. А в мире и так чересчур много жестоких людей.

Эндрю брякнул чайный поднос на стол и остановился перед Филоменой прямой как столб.

– Когда вы покидаете комнату, где находятся леди, следует прежде поклониться и принести извинения. – Мена не любила ссоры и столкновения, после них она чувствовала себя больной и несчастной, но тут она сощурила глаза и сердито посмотрела на Эндрю, который ответил ей взглядом, далеким от учтивости. – Я не стану требовать извинений, потому что не хочу, чтобы вы извинялись неискренне. Однако ваш отец нанял меня, чтобы обучить вас, как надо вести себя в приличном обществе, и я намерена выполнить свою работу, хотите ли вы этого или нет.

В глазах Эндрю читалось отвращение, худенькая фигура буквально тряслась от гнева, но после короткого напряженного ожидания, во время которого Филомена почти не дышала, он поклонился.

– Извините меня, леди, – произнес он так сухо, что, казалось, сам Нил от этого мог пересохнуть. Филомена ответила легким поклоном и посмотрела ему вслед, чувствуя, как замирает ее сердце от тоски. Что так сильно рассердило мальчика?

В глазах Джани читались сердечная благодарность и одобрение, но это не могло исправить настроение. Как бы она хотела снискать расположение Эндрю или, по крайней мере, наладить с ним нормальные отношения! Ноги под ней подломились, и она совсем неграциозно плюхнулась на табурет у рояля.

– Ваш чай, мисс Рианна. – Голос Джани был таким же шелковистым, как его красное одеяние.

Он налил чай в изящную чашку и передал девушке. Когда он прислуживал своей хозяйке, глаза у него становились, как бронзовые озера. Филомена заинтригованно наблюдала за ними. Рианна вежливо поблагодарила Джани, не взглянув на него. Тот поклонился Филомене, потом Рианне, но голову он склонил так, чтобы скрыть сиявшее в глазах обожание.

– Что еще я могу для вас сделать? – спросил он, и Филомена услышала в его голосе такую надежду и поклонение, что сердце ее дрогнуло.

Не замечая этого обожания, Рианна тряхнула головой, и ее темные кудри разлетелись по плечам:

– Нет, Джани, спасибо!

– Если что-то понадобится, позовите меня, леди! – Джани бесшумно удалился.

– Вы не слушайте, что говорит мой брат, мисс Локхарт, – умоляюще проговорила Рианна, как только они остались одни. – Да я бы убила кого угодно, только бы стать такой же высокой и элегантной, как вы! Вы ведь не уедете от нас из-за Эндрю?

Филомена заглянула в глаза девочки, и ей стало легче оттого, что та говорила искренне. Перед ней была девушка, которой вскоре предстоит стать женщиной. Она была лишена материнской заботы, к тому же гувернантки сменяли одна другую. Никто не занимался ее воспитанием и не объяснял, каково это – быть женщиной. Филомена ласково погладила черные кудри Рианны и потрепала ее руку.

– Меня не так легко обидеть, – улыбнулась она. – Чтобы от меня избавиться, потребуется не одна колкость!

Рианна обрадовалась.

– Наверное, придется все рассказать отцу, – сказала она и притворно вздохнула.

Но Филомена прикусила губу, а потом ответила:

– Но ведь Эндрю извинился, и я не вижу повода жаловаться вашему отцу.

Рианна посмотрела на нее сквозь длинные черные ресницы, и рот девочки искривился в озорной улыбке.

– А что вы думаете о моем отце, мисс Локхарт? Как вы думаете, он красивый?

Филомена замерла и прижала руку к груди, чтобы успокоить дыхание.

– Что за вопрос!

– Не бойтесь признаться, я никому не скажу. – Рианна нахмурила темные брови. – В нашем клане много женщин, которые считают отца красивым. Мне просто хотелось бы знать, нравится ли он англичанкам.

– Я не думаю, – Филомена не знала, что сказать, и решила, что неопределенность будет наилучшим дипломатическим выходом из положения, – что представление о мужской привлекательности различаются в Англии и Шотландии.

Хотя ей думалось, что представления о женской красоте здесь и в Англии различны.

– Меня совсем не удивляет, что ваш отец кажется привлекательным многим женщинам, потому что он маркиз и геройски служил короне.

– Но я не об этом спрашивала, – продолжила Рианна, не сбитая с толку, и стала расправлять желтый шелк своего красивого платья. – Я спросила, кажется ли *вам* мой отец привлекательным.

Филомена сжала губы. Перед ее внутренним взором предстал суровый образ маркиза таким, каким он был вчера за обедом, его буйная шевелюра, убранная в аккуратную косу, глаза, полыхающие темным огнем, массивное тело, зажатое в приличную одежду джентльмена. Он приблизился тогда к ней так близко, что она почувствовала сладкий запах суфле в его дыхании.

Однако часто ей на память приходил другой образ, тот, каким она увидела его во время первой встречи. Тогда дождь струился по его лицу и распущенным волосам, могучие ноги были

коричневыми от загара, как будто их часто обжигало солнце. Глаза сверкали гневом. От него веяло мужской силой.

Разве он хорош собой? В традиционном смысле нет. Вот Гордон, ее муж, был действительно красив: худошавый, элегантный, аристократично-надменный.

Лэрд Маккензи был слишком могучим, его черты – слишком варварскими и свирепыми, чтобы считаться элегантными. Но Филомене показалось, что в нем есть некая мужская притягательность, особенно когда он говорил. Небольшая хрипотца в голосе придавала его произношению глубину, что было приятно и напоминало рокот океанской волны, набегающей на каменистый берег.

– Вы не можете найти приличного способа сказать нежной девушке, что ее отец слишком груб, стар и некрасив, не так ли, мисс Локхарт?

Он возник как будто в ответ на ее не совсем достойные мысли. Голос маркиза донесся до нее из дверей за их спиной.

– Значит, Рианна, твой вопрос неприличен.

Филомена вскочила с места, чуть не опрокинув рояльный табурет, и повернулась к нему лицом.

Он стоял, опершись широким плечом об арочный свод. В его позе было что-то от Сизифа, и казалось, что это он поддерживает каменные стены замка, а не наоборот.

Боже, а ведь он *действительно* красив! Этого нельзя отрицать. Опять Рейвенкрофт предстал перед ней в одежде воина своего клана. Тонкий хлопок его рубахи облегал выпуклую грудь. Закатанные рукава обнажали загорелые мускулы рук, которые напряглись под ее зачарованным взглядом. Волосы были распущены, и в солнечных лучах, согревающих комнату, блеснули седые пряди. Такого лэрда она еще не встречала. Выражение его лица было таким же обыденным, как килт Маккензи на бедрах. Маркиз медленно подошел к ним. Филомена пыталась заставить тяжелый, сухой язык произнести достойное приветствие, и при этом она старалась отойти от Рианны, чтобы между ней и маркизом сохранялось некоторое расстояние.

Почему, ну почему он все время говорит вещи, на которые нельзя найти приличный ответ? Почему каждый нерв в ее теле напрягается от его близости?

– Ты такой страшный зверюга, отец! – стала дразнить его Рианна. Она встала на цыпочки и поцеловала щетинистую щеку. – Но это не значит, что ты не самый раскрасивый мужчина в Уэстер-Росс, да и во всей Шотландии. Любая девушка так скажет.

– Самый красивый, – автоматически поправила Филомена, спрятавшаяся за фортепиано.

Глаза Рейвенкрофта стали пронзительными, черты лица напряглись, и он посмотрел на Филомену таким взглядом, что ей показалось, одежда на ней сейчас загорится, если маркиз не перестанет сверлить ее глазами.

Сообразив, что ее поправка может быть неправильно понята, Филомена поспешила исправить ситуацию:

– Не раскрасивый, а самый красивый – так будет правильно.

Рианна стала хихикать, и это усугубило ситуацию.

– Самый красивый – правильно... в предложении...

Филомена горела от смущения и едва переводила дыхание. Маркиз не улыбался, но в глазах читалась усмешка и скрытый, но опасный жар. И чем дольше он смотрел на нее, тем теснее казался ей корсет. Рука Филомены взлетела к кружевному шарфу, накинутому поверх корсажа. Она полагала, что этот шарф придает ей вид respectable гвернантки, но теперь он стал душить ее, несмотря на высокий ворот ее коричневого платья.

– Папа, Эндрю отказался танцевать с мисс Локхарт, – поторопилась доложить Рианна, не обращая внимания на строгий взгляд Филомены. – Он был ужасно груб с ней.

Веселье в глазах маркиза пропало:

– Как? Почему?

Филомена шагнула вперед:

– Прошу вас! Все совсем не так.

– Он сказал, что мисс Локхарт сложена как мужчина.

Глаза Рейвенкрофта скользнули по пышным изгибам тела Филомены, которые не оставляли сомнения в том, что она – женщина.

– Мой сын сказал что? – Такое отчетливое произношение каждого слова и грозное выражение, появившееся на его лице, заставили Филомену почувствовать настоящий страх за Эндрю.

Наслаждаясь происходящей драмой, Рианна заговорила еще оживленнее, хотя Филомене казалось, что дальше уже некуда.

– Да! И мисс Локхарт заставила его извиниться перед Джани и принести извинения нам, перед тем как уйти. Ты бы видел, как он был зол!

– Рианна! – с упреком воскликнула Филомена.

– Ей это удалось? – Брови лэрда взлетели вверх, и, кажется, гнев улетучился.

– Прошу вас. – Филомена рискнула выйти из-за фортепиано и двинуться в сторону грозного шотландца и его дочери. – Я хотела бы, чтобы этот случай прошел без последствий. Мы с Эндрю пока не нашли общего языка... Иногда мальчикам в его возрасте бывает трудно вести себя правильно в подобных ситуациях...

Она замолкла, чувствуя свою вину за то, что у нее не было настоящего опыта, поэтому ей трудно было смотреть в насмешливые глаза своего нанимателя.

– В конце концов, это нормально... – соврала она, беспокойно водя пальцами по сверкающей поверхности полированной крышки рояля, чувствуя каждую неровность нежными подушечками.

Когда она, собрав все свое мужество, взглянула на маркиза, она увидела, что тот жадно следит за движениями ее руки. Филомена сжала пальцы в кулак и быстро спрятала руку за спину.

– Хорошо, мисс Локхарт, вы лучше меня разбираетесь в воспитании. – Хотя маркиз явно не был полностью убежден. – Но мне не хотелось бы, чтобы сын вел себя как варвар.

– Понимаю, – пробормотала Филомена, подумав, что странно слышать такие слова от этого человека.

Маркиз поцеловал дочку в лоб, и его прямой рот слегка изогнулся в улыбке.

– В этом доме есть место только для одного варвара, так, *nighean*?

– Так, отец! – ответила Рианна ласково.

Внутри Филомены разжалось нечто тугое и неприятное, разжалось и растаяло, когда она увидела, какая нежность существовала в отношениях между дочерью и отцом. Лиам Маккензи, может быть, справедливо был назван Демоном-горцем, но своих детей он любил. Тогда почему он столько лет провел вдали от них? Наверняка мог подать в отставку в любое время, особенно в последние годы, и вернуться в Рейвенкрофт-Кип, чтобы заняться детьми. Мать семейства умерла почти десять лет назад, так почему он выбрал именно это время, чтобы вернуться?

Маркиз последний раз ласково погладил руку дочери и пошел к выходу.

– Эту неделю я проведу в винокурне! – сказал он и исчез за каменной аркой.

Филомена едва начала снова дышать, как он опять возник в проеме, сверкнув дьявольским огоньком в глазах.

– Извините меня, леди! – и безупречно поклонился, не спуская глаз с Филомены, из-за чего она ощутила слабость в коленках.

– Мы тебя не извиняем, отец! – захихикала Рианна, выпроваживая его.

– Нет, вы должны меня извинить, потому что даже варвар способен обучиться манерам джентльмена, если у него будет правильный учитель.

Он снова задержал взгляд на Филомене, быстро подмигнул дочери и наконец исчез.

Филомене показалось, что каждый раз, встречая маркиза, она знакоилась с новым человеком. То это был Демон-горец, то варвар – предводитель клана, то воин-аристократ, а вот теперь – любящий отец. Но в каждом новом обличе Рейвенкрофт глядел на нее так, что она начинала волноваться. Он смотрел так, будто перед ним была загадка, которую он хотел разрешить, или тайна, которую нужно раскрыть.

Но она предпочла бы остаться нераскрытой, так как ее секреты были слишком опасны.

Филомена глубоко вздохнула и повернулась к Рианне, которая понимающе смотрела на нее.

– Как он назвал вас... *nighean*?

– На гэльском так ласково называют дочь.

– О, как красиво звучит! – Филомена решила, что пока она живет среди горцев, нужно понемногу учить их язык. – Давайте-ка посмотрим, куда убежал ваш брат, – сказала Филомена, так как ей нужно было отвлечься от впечатления, произведенного неожиданным вторжением лэрда Маккензи, причем вторжением во все ее мысли.

– Может, не нужно? – заныла Рианна. – Он такой нудный!

Филомена взяла девочку под руку, и они медленно пошли по мягкому ковру солнечной комнаты.

– Вы сегодня очень злы на него и ябедничаете, – ласково упрекнула Филомена.

– Знаю, – ответила Рианна и усмехнулась. – Это у меня от отца. Он ведь настоящий *brollachan*.

– Что?

– Демон. Разве вы не знаете?

– Но вы ведь в это не верите, не так ли? – сказала Филомена, нахмурившись, хотя почувствовала, как по шее пробежал холодок волнения. – В то, что ваш отец – демон?

– Я не знаю, демон он или нет, но я слышу, о чем все шепчутся. Если он и не настоящий демон, то очень опасный человек, это точно.

– Это точно, – повторила Филомена, подумав уже не в первый раз, что не уверена, существуют ли на свете демоны.

Глава 5

«Он – демон, и он тебя погубит».

Филомена уронила из рук край портьеры и резко повернулась лицом к совершенно пустой комнате, где помещалась библиотека. Кто это сказал? Ужасная тишина наполняла окружающий мрак. Филомена лихорадочно окидывала взглядом портьеры, резную мебель в поисках источника, откуда шел голос.

– Кто это? – Ее слабый голос эхом отозвался от стен и окон, но ответа не было. – Кто здесь?

Пугающее молчание. Филомене показалось, что нет ничего страшнее, чем ощущение, что ты не одна в пустой комнате.

Маркиз забрал детей и после обеда поехал с ними в деревню Финлох. В свой первый свободный день Филомена решила взять хорошую книгу и погреться на таком редком, теплом осеннем солнышке в зимнем саду. В помещении, где располагалась библиотека, было меньше всего окон, зато в ней был огромный камин и слишком много канделябров. Маркиз, возможно, был человеком необразованным, но он понимал, что солнце вредит книгам, составлявшим его коллекцию. Поэтому окна в библиотеке были задернуты тяжелыми бархатными шторами.

Эта часть замка глядела не на море, а на Уэстер-Росс и на горы. Филомена подошла к окну и отодвинула занавеску. Блеск вечерних лучей солнца на золотых волнах ячменя и зеленые холмы вокруг отвлекли ее от пережитого испуга. Возможно, ее успокоили могучие спины работавших на полях людей. На некоторых были только килты, обмотанные вокруг бедер. Солнце золотило их загорелую кожу.

Филомена снова осмотрела мрачную библиотеку. Большая темная тень мелькнула и затаялась в тот момент, когда она наконец ее заметила.

– Пожалуйста, покажитесь! – позвала Филомена. – Вы меня пугаете!

– Если я покажусь, вы испугаетесь еще больше. – Мужской голос больше напоминал шипение змеи. Длинное шипящее «с-с-с», казалось, шло изо всех углов, но при этом ниоткуда. – Но я не причиню вам вреда, вам следует бояться лэрда.

– Почему? – спросила Филомена, медленно пробираясь вдоль стены к двери, которая теперь, казалось, находилась очень далеко. Ей хотелось позвать на помощь, но она не решалась. Если к ней прибегут, что она скажет? Что бестелесный голос предостерегал ее? Ее тут же снова отправят в Белль-Глен.

Холодные пальцы прикоснулись к ее шее над высоким воротником платья. Филомена издала полузадушенный крик. Резко повернувшись, она увидела только темную смазанную тень, блеск белков с кровавыми прожилками, окружавших черные, как ночь, зрачки.

Филомена отшатнулась и заставила ноги оторваться от пола, чтобы изо всех сил бежать из библиотеки. Она ни на минуту не задержалась в коридоре, не стала прятаться ни в солнечной комнате, ни в зимнем саду, ни в своей комнате. Она бежала, гонимая страхом, по черной лестнице, выскочила из замка и оказалась на солнечной лужайке. Филомена бежала через сад и не останавливалась до тех пор, пока не углубилась в лес, который окружал земли Рейвенк-рофта с юга и запада.

Скоро она нашла оленью тропу и помчалась по ней среди деревьев, подобрав длинные юбки. Спасаясь от своего страха, она уходила все дальше в лес. Так она всегда поступала в поисках убежища, когда жила в Хэмпшире. Солнечные лучи пробивались сквозь густую листву, и Филомене казалось, что она снова в Берч-Хейвен-Плейс, где ее никогда не преследовали демоны.

Когда она почувствовала, что легкие того и гляди лопнут от напряжения, Филомена остановилась, протянула руки и обняла ствол древнего дуба. Она постаралась восстановить дыха-

ние, но мысли ее метались вокруг ужасного призрака, от которого она сбежала. Неужели ей действительно встретилось привидение? Или демон?

Поверить этому было трудно, но она по-прежнему ощущала, как от страха встали дыбом волоски на коже. Закрыв глаза, она видела перед собой только жуткие черные зрачки, окруженные белками с яркими кровавыми прожилками. Никогда в жизни она не встречала подобных глаз. Да и не может ни одно живое существо обладать подобными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.